

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XLVII международной научно-практической конференции*

№ 3 (44)
Март 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент НП "СибАК".

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепрпетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГТПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 3 (44). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 74 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Социология	5
1.1. Методология и методика социологического исследования	5
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ Бардина-Вижье Елена Юрьевна	5
1.2. Социология личности	16
ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ Судакова Татьяна Григорьевна Отараева Зарина Альбертовна	16
1.3. Методика преподавания социологии	22
МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИГР В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИОЛОГИИ Исабаева Шынар Суиндиковна	22
Секция 2. Философия	27
2.1. Философия и ее роль в современном обществе	27
ФИЛОСОФИЯ СОВЕСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ Егоров Александр Владимирович	27
2.2. История философии	36
ЗНАЧЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В СЕМИОТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ Бедаев Александр Иванович	36
2.3. Онтология и теория познания	42
ЭКОЛОГИЯ РАЗУМА И ВОПЛОЩЕННОЕ СОЗНАНИЕ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ Комар Елена Викторовна	42

СИМУЛЯКР И ТРАНСГРЕССИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ Фаритов Вячеслав Тависович	48
Секция 3. История	53
3.1. История России	53
ИСТОРИКИ УНИВЕРСИТЕТА — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Васильева Сардана Дмитриевна Атласова Саргылаана Серафимовна	53
ПОИСКИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И КОМИНТЕРН Гаристова Екатерина Юрьевна	58
ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЕМСТВО И МИРОВОЙ СУД В 70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА Мельникова Лариса Александровна	62
К ИСТОРИИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА: КРЫМСКИЙ ГОРНЫЙ КЛУБ Руденко Елена Николаевна	67

СЕКЦИЯ 1.
СОЦИОЛОГИЯ

**1.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПРОЦЕССА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

Бардина-Вижье Елена Юрьевна

аспирант Харьковского национального университета

имени В.Н. Каразина,

Украина, г. Харьков

E-mail: lena_bardina@hotmail.com

**METHODOLOGICAL APPROACHES
OF STUDYING SOCIOCULTURAL ADAPTATION
PROCESS OF FOREIGN STUDENTS**

Bardina-Vigier Elena

postgraduate, V.N. Karazin Kharkov National University,

Ukraine, Kharkov

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются методологические основы изучения социокультурной адаптации иностранных студентов. Внимание уделяется анализу факторов социокультурной адаптации к условиям иного общества (объективная потребность в адаптации, мотивационная составляющая (адаптационная установка, выбранная стратегия, этапы адаптации). Подчеркивается необходимость изучения количества и качества контак-

тов иностранных студентов с представителями принимающего общества и их соответствие характеристикам коммуникативного действия.

ABSTRACT

Methodological approaches of studying sociocultural adaptation of foreign students are covered in presented article. The special attention is paid to the analysis of factors of sociocultural adaptation to conditions of other society (an objective needs for adaptation, a motivational component, the chosen adaptation strategy). Actually we should pay attention to study not only quantity but also quality of contacts between students and host society concerning their compliance to characteristics of communicative action.

Ключевые слова: иностранный студент; социокультурная адаптация; «коммуникативное действие»; адаптационные практики.

Keywords: foreign student; sociocultural adaptation; "communicative action"; adaptation practices.

Необходимость укрепления культурно-образовательных и геополитических позиций на международном образовательном пространстве, создания позитивного имиджа страны, в которой можно получить качественное высшее образование, активизируют интерес не только к изучению системы отечественного образования, анализа ее качества, соответствия международным стандартам, но и к проблеме иммиграции иностранных студентов в страну. Теоретическая и практическая актуальность отмеченной проблемы предопределяет необходимость научного анализа последствий пребывания иностранных студентов, особенно актуализации проблемы толерантности/интолерантности благодаря активизации межкультурных контактов как в студенческой среде, так и в обществе в целом; возможности возникновения угроз межэтнических конфликтов, рисков социальной напряженности, превращение академической миграции иностранных граждан в нелегальную миграцию и т. д.

В своих предыдущих публикациях мы обращались к анализу теоретических принципов исследования избранной проблемы (см., напр.: [1; 2]). Целью данной статьи является определение главных методологических основ и анализ основных факторов, на которые опирается эмпирическое исследование социокультурной адаптации иностранных студентов, которое мы проводим в Украине.

В работах, которые посвящены вопросам адаптации иностранных студентов, чаще всего рассматриваются проблемы приспособления к внешним условиям (прежде всего, бытовым), к системе высшего

образования другой страны, социолнгвистические и психологические проблемы, этапы адаптации, вопросы формирования культурной идентичности. Однако комплексных исследований процесса социокультурной адаптации иностранных студентов в принимающей стране немного. Адаптация рассматривается преимущественно в контексте взаимоотношений индивида и социального окружения.

Прежде всего в своем исследовании мы обращаемся к работам антропологического, психологического, интеракционистского, бихевиористского и необихевиористского направлений. Факторы социокультурной адаптации рассматриваются в работах В. Хармза, Б. Вальденфельса, Р. Стара, Р. Хенки, А. Редклиф-Брауна, Дж. Берри, К. Оберга, Н. Лебидевой, Л. Шпак, Р. Кельвина, Р. Мертона, К. Додда, М. Винкельмана, Ю. Хабермаса, А. Щютца, П. Бергера, Т. Лукмана, Г. Триандиса М. Тоби, А. Сухарева, А. Налчаджан и др. К анализу таких влиятельных факторов и связанных с социокультурной адаптацией социальных явлений, как то стиль жизни, международные отношения, толерантность, миграция, «восприятия Чужого», межкультурные коммуникации, идентичность в современном обществе, обращались и украинские исследователи: Н. Панина, Е. Головаха, И. Прибыткова, Н. Костенко, А. Ручка, Н. Черныш, Ю. Сорока, Т. Колбина и другие.

В процессе социокультурной адаптации происходит конструирование внешних связей субъекта с помощью принятия контрсубъекта — партнера во взаимодействии [4, с. 14]. Анализ социокультурной адаптации иностранных студентов невозможен без обращения к мотивационным составляющим поведенческих актов, а также факторам, которые влияют на процесс. Определение социокультурной адаптации Л. Шпак [10, с. 14] представляет собой основу нашего видения и интерпретации базового понятия исследования. Социокультурную адаптацию иностранных студентов к другому обществу мы рассматриваем как процесс и результат активного взаимодействия, взаимоприспособления и взаимопревращения взаимодействующих сторон — иностранного студента и принимающего общества — в результате чего происходит реализация определенной стратегии взаимоотношений ввиду сложившейся социокультурной ситуации, усвоенной системы норм и жизненных ценностей и направленности на взаимоприемлемое «коммуникативное действие». Следовательно, в процессе такого обмена происходят изменения субъекта адаптации — иностранного студента, и изменения в принимающем обществе в ответ на действия инокультурных субъектов. Социокультурная адаптация представляет собой процесс, и в то же время, результат превращения

и интерпретации объективного социального мира, себя в этом мире и субъективного образа этого мира в себе, а также формирование на этой основе индивидуального адаптивного пространства и личностной идентичности [6, с. 45].

Основные факторы социокультурной адаптации иностранного студента, которые мы рассматриваем в этой статье, это: объективная потребность в адаптации к новым внешним условиям, мотивационная составляющая, стратегия адаптации, которая, в свою очередь, сопровождается определенными адаптационными действиями и практиками. Рассмотрим эти факторы подробнее. Потребность в адаптации предопределяется изменением социокультурной среды, отличиями культурных паттернов (в частности в языке, традициях, нормах и тому подобное). Первым фактором адаптации является «культурный шок», связанный с изменением страны пребывания и столкновения с новой социокультурной средой. По определению К. Оберга, «культурный шок» является результатом напряжения и беспокойности, которые возникают при контакте с другой культурой, нарушении привычных культурных и общественных правил [14, р. 177]. Срок переживания культурного шока иностранных студентов зависит от обстоятельств, которые его вызывают, в частности таких факторов, как предыдущий опыт взаимодействия с представителями других культур, глубина степени отличий собственной культуры от культуры принимающей стороны и тому подобное. П. Адлер подчеркивает, что хотя культурный шок часто ассоциируется с негативными последствиями, его результатами могут стать усвоение новых ценностей, норм и паттернов поведения [11, р. 15]. При этом, влиятельным внешним фактором на первом этапе культурного шока является степень толерантности общества к иностранным студентам. Профессор антропологии М. Винкельман, автор статьи, «Культурный шок и адаптация» считает, что осведомленность о природе культурного шока может способствовать конструктивному решению проблем, связанных с адаптацией, обеспечивая ту или другую неконфликтную стратегию [15].

Мотивация к социокультурной адаптации иностранного студента к новым условиям закладывает основы для активной реализации адаптивных способностей, адаптивных практик, соотносенных с установками, целями субъекта адаптации. В процессе социокультурной адаптации происходит дифференциация социокультурного опыта и образа жизни на «взаимоприемлемое» и «отбрасываемое», формируется позиция к новому окружению, происходит отбор жизненно важных культурных норм, форм и способов культурной деятельности в соответствии с установками, ценностными ориентациями. Хотя

мотивация рассматривается чаще всего как субъективная составляющая, все же не стоит отбрасывать объективные условия, в которых она возникает. Её становление также происходит ввиду выделяемых и доказанных различными авторами этапов социокультурной адаптации.

Этапы социокультурной адаптации рассматриваются с точки зрения так называемой «U-кривой» адаптации: «медовый месяц», «спад», «кризис», «улучшение», «адаптированность». Одним из первых исследователей, который в 1994 году ввёл пять этапов процесса адаптации визитеров был Г. Триандис. Исходя из эмпирических данных проведенных нами исследований методом фокусируемых групповых интервью и раздаточных анкетирований¹, проанализируем этапы социокультурной адаптации иностранных студентов в Украине.

Первый этап имеет название «медового месяца». Он характеризуется энтузиазмом, большими надеждами, оптимистичным отношением к окружению, дружескими, поверхностными отношениями с представителями принимающей культуры. Иностранные студенты отмечают, что на первом этапе помощь оказывают представители ВУЗа, способствуя в решении разных административных, образовательных и бытовых вопросов. Однако, в отличие от общепринятого определения этого этапа как достаточно позитивного, имеются случаи и противоположного характера — иностранный студент не чувствует удовлетворения от изменений, получает негативное отношение и опыт.

На втором этапе адаптации состояние временной эйфории (если оно имело место) проходит, и иностранный студент начинает

¹ В период 2004—2014 гг. проводились исследования иностранных студентов: анкетирование иностранных студентов Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (в 2004 г., количество опрошенных — 320); фокус-группы с иностранными студентами Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Харьковского национального медицинского университета и ХГУ «НУА» (в 2006 г., количество опрошенных — 19); стандартизированные интервью с иностранными студентами французского университета Science Po (в 2009 г., количество опрошенных — 17); стандартизированные интервью студентов из Украины, России и Казахстана г. Дортмунда (Германия) (в 2009 г., количество опрошенных — 14); анкетирование иностранных студентов Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (организатор — Восточнoукраинский фонд социологических исследований, 2010 г., количество опрошенных — 944); анкетирование иностранных студентов Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Восточнoукраинский фонд социологических исследований 2014 г., количество опрошенных — 1226).

чувствовать себя «чужестранцем» (этап «кризиса»). Обычно это происходит на первом-втором годах учёбы. Отличия в культуре начинают острее чувствоваться. Это может приводить к различным негативным ощущениям неадекватности, фрустрации, тревоги и т. п. Иностранцы осознают, что с этими отличиями им придётся жить не несколько дней, а годы. Свое состояние и настроения студенты характеризуют следующими явлениями: тоска за родиной, скука, желание общаться на родном языке с такими же иммигрантами (представителями собственной культуры), избегание контакта с местными жителями, раздражительность, замыкание в кругах представителей своей или близкой им культуры. На этом этапе, по результатам проведенных нами исследований, некоторые иностранные студенты жалуются на обстоятельства, агрессию по отношению к ним со стороны жителей, чувствуют значительную разницу между собой и принимающим обществом.

На третьем этапе иностранные студенты вынуждены искать выход из состояния депрессии и избирать стратегию адаптации. На этом этапе многие студенты отмечают, что хотели бы вернуться как можно быстрее домой, не дождавшись окончания учёбы. Вместе с тем, шагами к позитивной стратегии адаптации является усилие по изучению языка, знакомство с местной культурой, принятие «инаковости», налаживание контактов, с местными жителями и другими студентами.

На четвёртом этапе состояние недовольства постепенно изменяется на оптимизм, этот этап адаптации еще называют «восстановлением». Выход из кризиса может происходить по-разному: в некоторых случаях — медленно и незаметно, в некоторых — бурно. Если иностранные студенты проявляют интерес к культуре принимающего общества, посещают культурные заведения, общаются с местными жителями, заводят знакомства и друзей и т. п., то адаптацию можно считать положительно направленной. Именно на этом этапе «срабатывают» механизмы аккультурации (происходят активные культурные взаимодействия). Плохим, но достаточно распространенным, является замыканием иностранных студентов в свои этнические группы, когда процесс социокультурной адаптации «сворачивается», а могут иметь место ситуативные адаптационные практики.

Пятый этап характеризуется ощущением «адаптированности» иностранного студента. Иностранцы отмечают свое состояние как комфортное, положительно оценивают возможности самореализации в принимающем обществе, полученный опыт и знание. На этом этапе взаимодействия между студентами-иностран-

цами и представителями принимающего общества приближаются к пониманию «коммуникативного действия» (коммуникативная адаптация).

Исходя из предложенной схемы механизма социокультурной адаптации Л. Скворец, адаптивные действия (поведенческие акты) социального субъекта мотивированы, соотнесены с целью, установками. Адаптивная установка связывает все структурные элементы социокультурной адаптации, является звеном в механизме социокультурного взаимодействия (напр.: [9]). Если адаптирующая среда обеспечивает ряд условий, необходимых для достижения совместимости адаптантов со средой, то в ответ усилия адаптантов энергично будут направлены на ускорение темпов адаптации, сознательное овладение теми или другими средствами адаптивной деятельности, и в результате будут нарастать признаки адаптированной. Таким образом, на мотивацию влияет ряд факторов, среди которых также направленность на взаимодействие со стороны социального окружения, создание условий для внедрения разных вариаций положительно направленных стратегий процесса адаптации.

Одним из главных факторов успешной социокультурной адаптации, по мнению многих исследователей, является правильно избранная стратегия. В контексте нашего исследования, стоит обратиться к работе американского исследователя адаптации и «культурного шока» К. Додда, который выделяет четыре типа поведения иностранца: борьба — индивид отбрасывает национальные приоритеты принимающей страны, критикует все увиденное; отступление — изоляция от культуры принимающей страны, уклонения от возможных контактов и, как крайний вариант, возвращение на родину; проникновение — иностранец отрицает любые отличия между собой и гражданами принимающей страны, с энтузиазмом принимает все новое; «прогибание» — индивид занимает наблюдательную позицию, пытается понять новую культуру и социальные процессы, частично изменяет свои культурные паттерны [13, p. 116].

Ю. Сорока (см. [7]), анализируя проблему восприятия другого, рассматривает подход Ф. Бока относительно классификации стратегий преодоления культурного шока: первая стратегия предусматривает преодоление позиции «чужого» (ассимиляция и частичная ассимиляция), ориентации, на смену образца, а вторая — утверждение как доминанты «первичного» культурного образца (гетоизация, культурный обмен, культурная колонизация).

В исследовании аккультурации и адаптации иммигрантской молодежи в Канаде Дж. Берри [12] изучается жизненный путь, по которому молодые иммигранты строят свою жизнь на пересечении

двух культур и получают опыт межкультурного взаимодействия. По Дж. Берри, существуют четыре модели, которые сопровождают процесс аккультурации: модель интеграции (молодежь ориентируется и идентифицируется с двумя культурами); этническая модель (молодежь ориентирована главным образом на свою собственную группу); национальная модель (ориентация молодежи направлена на принимающее общество); рассеянная модель (неопределённая, нет четких установок и стратегий на то, как жить и позиционировать себя в «инокультурной» среде).

Однако нужно отметить, что эта типология стратегий в чистом виде не всегда представлена на практике. По результатам проведенных нами фокус-групп с иностранными студентами ни одного «чистого» типа стратегии социокультурной адаптации не было выявлено. Чаще всего встречаются смешанные типы адаптационных стратегий в зависимости от конкретной ситуации. Мы придерживаемся также идеи о том, что существует два вектора стратегий адаптации: первый — это направленное действие на адаптацию (стратегия аккультурации (подробнее: [1])); второй — это конфронтационное отношение к принимающему обществу. Условием первого вида стратегии является приобретение индивидом позиции «заинтересованного деятеля», нового для него социального интереса, сформулированного «языком» нового культурного образца [7, с. 200—201]. Изучение такой стратегии означает обращение внимания, прежде всего, на культурный обмен и изменения, которые происходят в процессе «вхождения» в другое социокультурное пространство.

В своем исследовании мы обращаемся к анализу феномена коммуникативного действия для определения направленности на социокультурную адаптацию. Коммуникативным Ю. Хабермас определял действие, целью которого является свободное согласие участников ради достижения общих результатов в определенной ситуации и относительно ожидаемых последствий [9, с. 74—75]. В коммуникативном действии акторы стремятся достичь общего понимания и координировать действия обоснованным аргументом, согласием и кооперацией, в отличие от стратегического действия, в котором участники строго преследуют собственные цели. На наш взгляд, коммуникативное действие уместно рассматривать как «идеальную» стратегию адаптации. Ведь процесс адаптации к другому обществу зависит не только от уровня удовлетворенности, определенных возможностей реализации или их отсутствия, не только от внешних условий или психологического комфорта, настроения, но и от количества и качества контактов с членами принимающего

общества. Анализ процесса социокультурной адаптации заключается не только в том, чтобы выделить стратегическое направление адаптационных усилий иностранного студента (позитивный, открытый, «проникновение», «прогибание», или наоборот — негативный, закрытый, «отступление», «борьба») [5, с. 32], а и в рассмотрении контактов с представителями принимающего общества. Контакты в процессе социокультурной адаптации по своей сути могут приобретать характеристики коммуникативного действия, что является показателем и фактором адаптированной (детальнее о коммуникативном действии и коммуникативной адаптации см. [1]).

Относительно результатов социокультурной адаптации иностранных студентов, в социально-психологических исследованиях процесса описывается состояние «адаптированности». Например, О. Сухарев определяет состояние адаптированности (см. [8]) как сочетание стойкости (сохранение идентичности, тождественности самому себе), с изменчивостью (развитием, достижением новых состояний), которое происходит на уровне средств эффективного взаимодействия адаптанта со средой. Следовательно, адаптация может привести или не привести к взаимному соответствию индивидов и среды, она может включать не только приспособление, но и сопротивление, попытки изменить своё окружение или измениться взаимно [3, с. 73]. Состояние адаптированности (в нашем исследовании это скорее позитивное течение процесса социокультурной адаптации) характеризуется рядом субъективных признаков: удовлетворенность; свободное владение вербальными и невербальными средствами взаимодействия; культурная самоидентификация; стремление и готовность обогатить содержание социокультурного взаимодействия; позитивная оценка возможностей самореализации; интерес к культуре принимающего общества и т. д.

В нашем качественном исследовании, основанном на феноменологической методологии социокультурной адаптации иностранного студента в Украине, мы рассматриваем процессуальный характер социокультурной адаптации, которая на определенном этапе (стадии) может иметь свой результат, но вообще является процессом, не имеющим конечного фиксируемого результата. При этом, направленность студентов на лимитированный период времени пребывания в стране обучения также является влиятельным фактором, который может как способствовать процессу социокультурной адаптации, так и наоборот — тормозить её. Ещё одной особенностью исследования является необходимость изучения факторов, влияющих на выбор места проживания, а также учёт планов иностранных студентов на будущее, что во многом влияет на протекание процесса

адаптації. Таким образом, необходимым условием прохождения процесса социокультурной адаптации иностранного студента является определенная ориентация на активное не только учебное, но и социальное, межкультурное взаимодействие.

Подытоживая, отметим, что основными признаками положительно направленного процесса социокультурной адаптации иностранных студентов можно считать: овладение новыми типами поведения, межличностными отношениями; когнитивная активности в социальной среде; овладение культурными паттернами другого общества (нормами, традициями, культурным опытом) и в то же время — сохранение и обогащение собственной культуры; удовлетворенность своим положением в среде; приобретение социального статуса; количество и качество социальных контактов, коммуникативных практик; связь будущих жизненных планов с полученным культурным и социальным опытом.

Анализ феноменологической методологии в исследовании заданной темы способствовал разработке ряда показателей, которые были заложены в инструментарий проводимых исследований. Более детально, на наш взгляд, стоит изучить внутренние и внешние факторы социокультурной адаптации. На рассмотрение этого вопроса будут направлены наши дальнейшие теоретические и эмпирические усилия.

Список літератури:

1. Бардіна-Віж'є О.Ю. Аккультурація як умова та механізм адаптації особистості до нового соціокультурного середовища // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». — 2008. — № 800. — С. 75—80.
2. Бардіна-Віж'є О.Ю. Евристичний потенціал концептів «життєвий світ» та «комунікативна дія» у дослідженні процесу адаптації іноземних студентів до нових соціокультурних умов //Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Випуск 15. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. — С. 623—628.
3. Бэрн Р. Социальная психология группы: процессы, решения, действия / Р. Бэрн, Н. Керр, Н. Миллер. СПб.: Питер, 2003. — 272 с.
4. Дудченко О.Н. Социальная идентификация и адаптация личности / О.Н. Дудченко, А.В. Мытиль // Социс. — 1995. — № 6. — С. 5—13.
5. Ковалеров А.І. Соціальна адаптація: феномен і прояви: Монографія / А.І. Ковалеров, А.М. Бондаренко. Одеса: Астропринт, 2005. — 112 с.
6. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002. — 173 с.

7. Сорока Ю.Г. Свої, чужі, різні: соціокультурна перспектива сприйняття іншого. Харьков: Видавництво ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2012. — 331 с.
8. Сухарев А.В. Информационный подход к психической адаптации человека педагогический и этнический аспекты // Журнал прикладной психологии. — 1998. — № 5. — с. 4—14.
9. Фурс В.Н. Философия незавершённого модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000. — 223 с.
10. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. — 232 с.
11. Adler P.S. The transitional experience: an alternative view of cultural shock. — Journal of Humanistic psychology. — 1975. — № 15(4). — p. 13—23.
12. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation. Applied Psychology: An International Review. — 1997. — № 46. — P. 5—68.
13. Dodd C.H. Dynamics of intercultural communication. Boston: McGrawHill, Daedalus, — 1998. — № 119(2). — P. 141—168.
14. Oberg K. Culture shock: Adjustments to new cultural environments. Practical Anthropology — 1960. — № 4. — P. 177—182.
15. Winkelman M. Cultural shock and adaptation // Journal of Counseling & Development. — Vol. 73(2) (Nov-Dec). — 1994. — p. 121—126 / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://www.academia.edu/517840/Cultural_shock_and_adaptation (дата обращения: 28.02.2015).

1.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Судакова Татьяна Григорьевна

*канд. ист. наук, старший преподаватель, Владикавказский филиал
Финансового университета при Правительстве РФ,
РФ, г. Владикавказ
E-mail: tatyanushka.s@mail.ru*

Отараева Зарина Альбертовна

*студент финансово-экономического факультета, Владикавказский
филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
РФ, г. Владикавказ
E-mail: zotaraeva@list.ru*

THE PROBLEM OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF THE YOUTH

Sudakova Tatyana

*candidate of historical science, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Vladikavkaz Branch,
Russia, Vladikavkaz*

Otarava Zarina

*student financial-economic of the faculty, Financial University
under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz Branch,
Russia, Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме выбора профессии и вуза молодым поколением. Показано, что на данный выбор влияют различные факторы. Главными из них являются качество образования и уровень престижа высшего учебного заведения. На основе проведенного исследования авторами показана степень осознанности

выбора будущей профессии молодыми людьми. Это положение во многом определяет не только уровень развития личности студента, но и общества в целом.

ABSTRACT

This paper explores the actual problem of profession choice and the choice of the institution of higher education by young people. The authors consider that this choice is influenced by various factors; the most essential among them are such characteristics as the quality of education and the institution's prestige level. On the basis of this research and information gathered the authors show the degree of responsiveness of the choice of future profession by young people. This statement largely determines not only the level of development of student's individuality, but also the level of the social development in general.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; вуз; качество образования; молодое поколение.

Keywords: professional self-determination; higher educational establishment; quality of education; the young generation.

На сегодняшний день в связи с изменением социально-экономической ситуации в стране большую важность имеет вопрос, связанный с профессиональным самоопределением выпускников школ. Профессиональная деятельность в жизни человека является основой в обеспечении его самореализации и обеспечении его социальных притязаний.

Выбор профессии для молодых людей является основой их самоутверждения в обществе. Перед ними встает ряд вопросов, таких как: кем быть, к какой социальной группе принадлежать, какие достигать цели. Поэтому выбор вуза и профессии является одним из самых сложных решений, принимаемых в жизни.

Проблемы профессионального самоопределения и профессиональной ориентации подчеркивают, что правильный выбор профессии и нацеленная на это профориентация важны не только с позиции определения дальнейших жизненных планов молодых людей, но и с точки зрения общественного развития в целом, так как профессиональное самоопределение — это определение себя относительно выбранных в обществе критериев профессионализма. Считается, что сущностью профессионального самоопределения является нахождение личностных смыслов выбираемой деятельности. Динамика самоопределения в профессиональной сфере состоит в изменении отношения к себе, оно возникает как психологическое новообразование в подростковом возрасте.

Актуальность данной темы заключается в том, что большое количество молодых людей делают неосознанный выбор вуза. Часто оказывается, что выбранные ими направление и высшее учебное заведение не соответствуют их интересам, что ведет к разочарованиям и даже психологическим расстройствам.

Проблема выбора профессии известна с давних времен. И она неосцимемо важна, поскольку затрагивает интересы как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Она определяет возможность построения человеком карьеры, что в итоге в известной степени будет влиять на развитие общества.

Проблема формирования профессиональной направленности выпускников школ рассматривается в трудах Е.А. Климова [5], С.Н. Чистяковой [8] и А.П. Чернявской [9]. Данные авторы определили концептуальные положения, условия и педагогические технологии подготовки обучающихся к выбору профессии и вуза. В разработку теоретических и методологических основ профориентации, а также в рассмотрение проблемы выбора вуза школьниками, большой вклад внес В.П. Бондарев [3]. Формирование готовности растущего человека к принятию решения о профессиональном выборе отражается в работах Л.И. Божовича [2], Э.Ф. Зеера [4] и С.Л. Рубинштейна [7]. Пути определения факторов побуждающих к принятию решения о будущей профессии рассматриваются в исследованиях Е.М. Абрамовой [1], Н.С. Пряжникова [6] и др.

Целью исследования является изучение процесса выбора будущей профессии молодыми людьми, факторов, влияющих на этот выбор и степень его осознанности.

Для получения результатов было проведено исследование с помощью такого метода как анкетирование. Анкета состояла из 7 вопросов, в ответе на которые приняли участие 26 студентов «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» в возрасте от 18 до 20 лет. Опрос был проведен среди студентов второго курса, так как они прошли этап принятия решения о поступлении, и их взгляд на данную проблему более осознанный, чем у абитуриентов или первокурсников.

Как было сказано выше, проблема выбора вуза, остро стоит перед выпускниками школ. Каждый год огромное количество выпускников поступает в разные вузы, для того чтобы получить образование. Вуз, в котором студент в дальнейшем будет обучаться, приходится выбирать самостоятельно и, как правило, этот выбор не всегда дается легко.

В первом вопросе определяются причины выбора студентами, именно того вуза, в котором они обучаются в данный момент.

Выяснилось, что 40 % респондентов проходивших анкетирование, объясняют свой выбор вуза тем, что в нем дают хорошее образование, другие 40 % склоняются к хорошей репутации и отзывам знакомых об учебном заведении. Хотелось бы отметить, что всего 20 % опрошиваемых, хотят посвятить себя профессии, которая будет ими получена по окончанию вуза.

Следующей задачей исследования являлось выяснение того, как давно опрошиваемые студенты планировали поступить в данный вуз. По результатам опроса был сделан вывод, что 49 % студентов, выбрали вуз за год до окончания школы, 20 % за больший промежуток времени, чем год, а 24 % вообще не планировали поступать в тот вуз, в котором обучаются в данный момент, остальные 7 % затруднились с ответом.

Многие студенты часто жалуются на то, что не удовлетворены своей студенческой жизнью. Этот факт играет важную роль в самообразовании учащегося. Если он будет не удовлетворен своей студенческой жизнью, это может оказать негативное влияние на его учебную деятельность, научно-исследовательскую работу, и, в конце концов, он не сможет добиться определенных результатов в сфере, которую для себя выбрал. В связи с этим в анкете был задан вопрос: «Удовлетворены ли вы своей студенческой жизнью?». 42 % респондентов дали положительный ответ, 46 %, как оказалось, удовлетворенны частично, 8 % не удовлетворены, и 4 % не смогли ответить на данный вопрос.

Главной целью исследования является определение факторов, которые оказали самое существенное влияние на выбор молодыми людьми вуза. На выбор человека влияют такие факторы, которые нельзя измерить непосредственно. Исходя из этого, студентам был задан следующий вопрос: «Какие факторы оказали самое большее влияние на выбор вуза?». С помощью заданного вопроса было определено, что на 30 % студентов второго курса, самое большое влияние оказал фактор качества образования, которое дается в данном вузе. Для 38 % опрошиваемых студентов является важным уровень престижа учебного заведения. Личная склонность к выбранному направлению профессии выявилась у 20 % респондентов, а остальные 12 % сделали выбор с помощью окружающих (в большинстве случаев это оказались родители учащихся).

Принимая какое-либо важное решение, которое не так легко дается, и от которого практически зависит дальнейшее качество жизни, каждый человек надеется, что его ожидания будут оправданы. К таким решениям непосредственно относится выбор вуза и будущей

профессии. Чтобы определить, оправдались ли ожидания опрошенных студентов, в анкете был задан вопрос: «Оправдал ли ваш выбор ваши ожидания?». Как показали ответы респондентов, ожидания были оправданы у 40 %, у 49 % ожидания сбылись частично, не оправданными ожидания оказались у 8 %, а остальные 3 % затруднились с ответом на вопрос.

Подводя итоги исследования, выяснилось, что пол респондентов, не оказывает особого влияние на выбор вуза, так как, не было замечено расхождений в ответах девушек и молодых людей в определенных вопросах. Хорошее образование и положительные отзывы, в большей степени помогли бывшим школьникам определиться с выбором вуза. Они стали главными факторами в разнообразии положений, учитываемых при решении данной проблемы. Небольшая часть опрошиваемых все-таки оказалась под влиянием окружающих, что говорит о том, что не все студенты совершают осознанный выбор и до сих пор затрудняются ответить, довольны ли они своей студенческой жизнью.

Таким образом, в рамках проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что большинство опрошиваемых студентов, не оказалось под влиянием посторонних факторов. Они совершили осознанный выбор будущей профессии и вуза, склоняясь к личной заинтересованности выбранной профессии.

Список литературы:

1. Абрамова Е.М. Поступление в вуз как начало формирования индивидуальных социальных практик / Е.М. Абрамова // Вести, обществ, мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 2. — С. 54—60.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович. Воронеж: Институт практической психологии, 1995. — 349 с.
3. Бондарев В.П. Выбор профессии: Из опыта работы Центра профориентации молодежи Ленинградского района Москвы / В.П. Бондарев, М.: Педагогика, 1999. — 126 с.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессий. Екатеринбург: Деловая книга, 2003. — 336 с.
5. Климов Е.А. Личность, профессия и психологическая профконсультация // «Молодежь и труд». Всес. научно-практическая конференция «Социализм и молодежь» / Общ. ред. В.А. Ядов. М.: Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1970. — С. 101—116.
6. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Игры и методики для профессионального самоопределения старшеклассников. М.: Первое сентября, 2004. — 223 с.

7. Рубинштейн С.И. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. Т. 2., 4.5. — 712 с.
8. Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф. Профессиональная ориентация школьников в условиях предпрофильной подготовки и профильного обучения// Дополнительное образование. — 2004. — № 11. — С. 8—13.
9. Чернявская А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М.: Владос-пресс, 2004. — 96 с.

1.3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИГР В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИОЛОГИИ

Исабаева Шынар Суиндиқовна

*магистр социологии, преподаватель ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Астана
E-mail: isabaeva_82@list.ru*

METHODS OF RESEARCH GAMES IN TEACHING SOCIOLOGY

Issabayeva Shynar

*master of Sociology, teacher ENU. L.N. Gumilev,
Republic of Kazakhstan, Astana*

АННОТАЦИЯ

Обосновываются возможности использования исследовательской игры в курсе преподавания социологии. Выявляются специфические особенности атрибутов и условия при проведении исследовательской игры, а также определяются роли современного преподавателя и студента в применении данной методики.

ABSTRACT

The possibility of using games in the course of the research the teaching of sociology. Identifies the specific features and attributes of the subject at the game, and also defines the roles of teacher and student in the application of this technique.

Ключевые слова: Социология; деловая игра; исследовательская игра; атрибуты; алгоритм.

Keywords: Sociology; business game; exploration game; attributes; algorithm.

С целью достижения и реализации Государственной Программы форсированного индустриально-инновационного развития Республики

Казахстан однозначно требует более высоких темпов включения новых идей и инновационных технологий в систему образования.

Внедрению инноваций в образовательный процесс в условиях глобализации большое внимание уделяет Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Так, выступая на форуме «Инновационный Казахстан-2020», Президент отметил, что для того, чтобы попасть в первую группу стран Казахстану уже сейчас нужно создавать собственную отечественную базу инновационного развития. «Прежде всего, необходимо готовить инноваторов — людей, которые заражены этим, людей, которые имеют креативное мышление. Их надо собирать, искать везде и всюду. Вопрос подготовки кадров, повышение профессионального и творческого уровня этих людей для всего этого становится нашей главной задачей, помимо самих инноваций» [2; 1].

В связи с поставленными актуальными задачами перед системой образования являются рассмотрение и реализация множества вопросов в области инноватики, в том числе применения современных методик обучения в преподавании учебных дисциплин.

На сегодняшний день современные условия развития рыночной экономики нашей страны усиливают требования к подготовке перспективного специалиста, нацеливают на формирование плодотворной личности, которая характеризуется креативным мышлением, инициативой, самостоятельностью в принятии решений. В связи с этим необходим совершенно новый творческий подход в обучении преподавании дисциплин, в том числе социологии как одна из продвинутых наук XXI века, основанный не на передаче готовых знаний, а на созданий условий активности обучающихся. В качестве средств, реализующих такой творческий системный подход, все больше признание находят в изучении социологии активные методы обучения, которые отражает логику практической деятельности, и поэтому они являются эффективным средством усвоения знаний социальных проблем общества и формирования практических умений.

В исследовании истоков процесса принятия группового решения стояли исследовательские школы К. Левина, показавшие эффективность групповой деятельности в изменении социальных установок, в повышении учебной мотивации и вовлеченности. Кроме того, теоретические разработки в области активных групповых методов обучения основаны на положениях теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, указывающие на закономерности переноса знаний и умений, полученных в игре, в реальную действительность [3, с. 7].

Рассматривая подробно классификацию деловых игр, следует отметить один из видов активной игры часто используемый в учебном процессе изучения социологической науки — исследовательские игры.

Исследовательские игры имеют весьма широкий диапазон применения: в проектных разработках, при групповой выработке решений, в учебных и исследовательских целях проведения социологических исследованиях. С развитием компьютеризации образования компьютерные исследовательские игры, основанные на принципе моделирования профессиональной деятельности, занимают все более заметное место среди активных методов обучения. Имитационное моделирование социальных процессов открывают новые возможности использования исследовательских игр в обучении социологических дисциплин. Сложность и универсальность исследовательских игр в социологии во многом определяется сложностью имитационной модели, лежащей в основе инновации. Надо отметить, что инновации вводятся в образовательный процесс не ради самих инноваций, а ради характерного, реального качественного изменения [1, с. 26].

Опыт передовых методов обучения в преподавании социологии в казахстанских вузах подтверждает, что задачи активизации познавательной деятельности студентов могут успешно решаться в условиях системного подхода к их внедрению, предполагающий, что методами активного обучения следует охватить весь учебный процесс, где дисциплины должны выстраиваться в логической последовательности отвечающие целям, заложенным в модели качества подготовки будущих социологов.

Общий успех обучения достигается сочетанием лекций с активными формами занятий, включающими разбор исследовательских игр, конкретных ситуаций и практических задач. Отсюда, требуется научно обоснованный и системный подход к организации обучения специалистов, нужна более мотивированная система взаимоотношений и взаимодействий между преподавателем и студентами. Особенно это очевидно в условиях постепенного перехода на кредитную систему обучения, когда студенту предоставляется самостоятельность в формировании учебного плана и определении по выбору дисциплин.

Современный преподаватель социологических дисциплин должен выйти из рамок педагога, который владеет глубокими теоретическими и практическими знаниями, различными методами преподавания, руководствуется инструкциями и нормами. Он должен быть перспективным квалифицированным консультантом, активно использующий исследовательские игры в учебном процессе как современный метод обучения. Кроме того, студент — активный участник учебного процесса. Так при

анализе учебных конкретных ситуаций студенты сами формулируют цели, выявляют социальные проблемы, анализируют информацию, вырабатывают критерии и возможные пути решения проблем.

Исследовательские игры как методика обучения позволяют приучать будущих специалистов к четкому изложению своего мнения, к приобретению опыта общения в макро и микро группах, творческому восприятию общественного мнения других и аргументированию собственной позиции в умении отстаивать свою точку зрения. Кроме того, позволяет формировать у обучающихся умения и навыки, в результате чего учатся быстро глубоко анализировать, осуществлять мониторинг, а также проводить социологические исследования происходящих процессов, протекающих в обществе.

В целом, под исследовательской игрой понимается процесс принятия решения в условиях поэтапного многошагового уточнения необходимых факторов, анализа информации, дополнительно поступающей и вырабатываемой на отдельных стадиях в ходе исследовательской игры.

В исследовательской игре имеются основные атрибуты, которая отличаются от других методов обучения:

1. Игра регулирует аспект целенаправленной человеческой деятельности в решении проблем общества.
2. Практически все участники игры получают роли, которые определяют различие их интересов и побудительных стимулов в игре.
3. Игра носит условно — временный характер и действует по определенным правилам.
4. Исследовательская игра состоит из следующих блоков: концептуального, сценарного, блока обеспечения информацией.

Каждая исследовательская игра – это некий эксперимент, которая представлена в следующем виде: название игры; учебные цели; состав участников; состав команд; методические рекомендации и порядок проведения игры; подведение итогов. Обязательными условиями исследовательских игр и конкретных ситуаций в рамках преподавании дисциплины социологии являются:

1. Самовыражение, когда участники игры стараются самостоятельно выразить себя, тем самым внести свой личный вклад в разрешении социальных проблем общества.
2. Совместность, когда все участники исследовательской игры работают в игре и проявляют сопричастность в решении теоретических и практических проблем.
3. Масштабность, когда участники исследовательской игры видят актуальную проблему и пути ее разрешения без учета жестких

рамков существующих законов, положений и сложившегося стиля работы.

4. Активная включенность, когда надо сразу включиться в игру и отвлечься от всего другого;

В ходе преподавания социологических дисциплин для студентов специальности «Социология» высших учебных дисциплин, практически на всех социологических дисциплинах можно использовать данную уникальную методику. Так, например, на учебных практических занятиях по дисциплине «Социальное неравенство и социальная стратификация» можно использовать исследовательскую игру: «Построение модели системы социальной дифференциации казахстанского общества». Игра представляет собой теоретико-методологический анализ к изучению проблем социального неравенства. Основная цель игры участников разработать репрезентативные модели системы социальной дифференциации современного казахстанского общества. Игра состоит из традиционных трех этапов: подготовительной и игровые периоды, подведение итогов исследовательской игры.

1. На подготовительном этапе определяются участники игры, регламент игры, решаются организационные вопросы, формируются команды.

2. На следующем этапе — в игровом процессе рассматриваются различные варианты готовых моделей системы социальной дифференциации команд. Каждая команда выступают с докладами и отвечают на вопросы участников игры.

3. После игры, на завершающем этапе делается обобщение информации по теоретико-методологическому анализу и анализируется разработки моделей системы социального неравенства.

Хотелось бы отметить, что лишь современный преподаватель, владеющий инновационной культурой и инновационными методами обучения должен способствовать обучающимся к постепенному формированию современных качеств личности — готовности к инновационной деятельности, работе в нестандартных ситуациях, открытости к новому, адаптивности и мобильности.

Список литературы:

1. Мынбаева А.К., Садвокасова З.М. Инновационные методы обучения, или как интересно преподавать. А.:2007. — 237 с.
2. Назарбаев Н.А. Казахстан должен ориентироваться на абсолютные инновации // Казахстанская правда. 24.05.2011 № 165.
3. Нурашева К.К. Содержание и методика проведения деловых игр: учебное пособие. А.: Эверо, 2014. — 328 с.

СЕКЦИЯ 2.

ФИЛОСОФИЯ

2.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ФИЛОСОФИЯ СОВЕСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Егоров Александр Владимирович

канд. филос. наук, доцент

Иркутского Государственного университета путей сообщения,

РФ, г. Иркутск

E-mail: eia6608@mail.ru

THE PHILOSOPHY OF CONSCIENCE IN BELIEFS, C.F. HEGEL AS THE ACTUAL PROBLEM OF MODERNITY

Alexander Egorov

candidate of philosophical Sciences, associate Professor

of Irkutsk State University of railway engineering,

Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Гегель определяет место и роль совести в системе развития идеи, духа и понятий. Совесть как самосознание и самопознание объективного духа находит своё проявление в семье, обществе и государстве. Актуальность работы заключается в выявлении соотношения понятий совести, добра, государства.

ABSTRACT

Hegel defines the place and role of conscience in the development of ideas, spirit, and concepts. Conscience as self-awareness and self-

knowledge of objective spirit finds its manifestation in the family, society and state. The relevance of this work is to identify the relationship between the concepts of conscience, good state.

Ключевые слова: Идея; объективный дух; философия совести; мышление и воление добра; диалектика понятий; феноменология духа.

Keywords: The idea; of objective spirit; the philosophy of conscience; thinking and willing of the good; the dialectic of concepts; the phenomenology of spirit.

Философия совести как структурный элемент совестологии [3, с. 6—15] просматривается в воззрениях Г.В.Ф. Гегеля, в его труде «Философия права». Проблему совести Гегель излагает в «Философии права». Логическое суждение Гегеля ведется от абстрактного к конкретному содержанию, где абстрактные формы как чисто логические «снимаются» более конкретными понятиями, где кажущийся первоначально нейтральным понятийный аппарат все более наполняется конкретным смыслом, выявляя определенную философско-нравственную позицию. Структурно-логическое исследование ведется в следующем порядке: вначале абстрактное право, затем моральность и далее нравственность. В свою очередь, нравственность включает: семью, гражданское общество и государство. Семья, общество, государство — это не только последовательность предметов исследования Гегелем, но и шкала их реальной ценности и объективной значимости.

Раскрывая структуру и функциональную сущность субъективного духа, в разделе «Моральность», Гегель показывает соотношение совести и добра, анализирует диалектическую взаимосвязь понятий права, нравственности и государства, разграничивая категории «мораль» и «нравственность». К морали Гегель относит внутренний, частный мир личности, она характеризует личную позицию индивида «В моральности все дело именно в собственном интересе человека... [2, с. 166]. Если моральность Гегель рассматривает как субъективную свободу воли, то «нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания» [2, с. 221]. Нравственность есть нечто субстанциональное, существующее на уровне объективного.

Что это за явление, объективный дух? По системе Гегеля объективный дух — это определенный этап развития сознания, самопознания, выявляя себя как мышление. Объективный дух есть особая сфера со своим смыслом и содержанием. Со ступени объективного духа

начинается проблематика семьи, гражданского общества и государства, в частности, и философии совести.

Философия совести, имеет своим предметом идею в образе объективного духа, способного развертываться в мире человеческих правовых отношений. Сфера объективного духа предстает как идеальная социальная картина. Право, добро и совесть находят свое реальное проявление в семье, в гражданском обществе и государстве, выявляя себя в должных общественных отношениях.

Субстанцией, по Гегелю, является дух, с его способностью мышления. Начальной формой духа является субъективный дух. Субъективный дух — это индивидуальный человеческий дух, обладающий душой, сознанием и волей. Субъективный дух свободен лишь в отношении к себе, в отношении же к некоему другому он еще не свободен. Субъективный дух свободен в себе, но не для себя. Когда же дух свободен в себе и для себя — это уже объективный дух, здесь свобода приобретает впервые форму объективной реальности, форму наличного бытия. Здесь дух выходит из формы своей субъективности, познает внешнюю реальность благодаря свободе, развиваясь далее, дух поднимается на ступень объективного духа.

В работе «Феноменология духа» Гегель показывает путь развития духа и его постижение своего содержания, раскрывая диалектическое развитие понятий. Предметом духа является описание поступательного шествия идеи и её мышления от самой низшей его формы — чувственной достоверности и до абсолютного знания.

Исходным пунктом этого движения является обычное сознание индивидуума. На первоначальной ступени своего развития сознание находится вместе с реальными предметами, то есть Гегель различает наличие субъекта и противостоящих ему объектов. На последней ступени, в абсолютном знании уже исчезает различие субъекта и объекта, уступая место их тождеству, образуя их синтез. Все понятия рассматриваются в становлении и во взаимосвязях. Гегель излагает идею как нечто исторически развивающееся в своей целостности, ей свойственна внутренняя свобода.

Все явления, по Гегелю, это стадии развития изначально-целостной идеи, которой свойственно неотъемлемое мышление. Дух, как идея начинает свое развитие с субъективного духа, далее переходит в объективный дух и заканчивает свою эволюцию в абсолютном духе. Дух, наделенный сознанием, способный мыслить, есть форма проявления идеи. Идея оживает в духе, которому свойственно мышление.

Мышление, по Гегелю, — это способ существования идеи. В феноменологии духа Гегель показывает ступени развития сознания: от субъективной, чувственной непосредственности к самосознанию и от него к абсолютному знанию. Процесс развития сознания протекает таким образом. Вначале сознание противопоставлено предмету, или миру как нечто отличное от него. Здесь сознание движется от исходного пункта — естественного своего состояния, оно воспринимает всю прошедшую историю в зеркале индивидуального развития. Затем сознание постигает свою общественную природу и поднимается до осмысления сущности истории. Гегель подчеркивает, что история представляет собой результат совместной деятельности индивидов. Здесь сознание начинает осознавать себя как участника исторических событий. Но как участник этих событий, сознание еще не поднимается до понимания прошедшей истории, до научного знания. Далее, сознание, поднимаясь до научного обобщения, должно дать оценку и изложить научно все пройденные этапы истории, все фазы исторического развития. Отдельными этапами на этом пути являются искусство, религия и философия.

На первом этапе идея, еще не обладающая самосознанием и не знающая себя, представлена в её логических определениях — предикатах. На данном уровне идея не имеет никакого содержания, кроме того, что принадлежит самому мышлению и им порождается. Находясь в лоне чистой мысли, идея порождает категории. Идея, по своей сущности, представляет единство понятия и реальности, это мыслящая субстанция, она находится в единстве с действительным миром, и которая в абсолютном духе завершает самопознание. Сознание, пребывая на ступени субъективного духа, осмысливает понятие «добро» и «совесть». На ступени абсолютной идеи происходит самопознание идеи в форме абсолютного духа.

Добро и совесть — это один из разделов моральности. Совесть раскрывается через понятия «добро» и «свободы». «Добро, по Гегелю, — это реализованная свобода, абсолютная конечная цель мира» [2, с. 186]. Через развитие понятия «добро» Гегель подводит нас к понятию совести. Что есть добро? «Добро есть для меня как волящего особенная воля, и я знаю его, ... особенность добра как бесконечной для себя сущей субъективности. Это внутреннее определение добра есть совесть» [2, с. 187]. Гегель рассматривает совесть как святое, данное человеку, как сущая субъективность, как суд. «Совесть как это единство субъективного знания и того, что есть в себе и для себя, — святыня, посягать на которую было бы святотатством» [2, с. 194].

Совесьть — уникальное свойство человека, в моральном сознании она есть мышление и знание добра. Она находит своё проявление в семье, обществе и государстве. В мышлении совесьть — это морально-разумное понятие добра, которое должно найти своё воплощение в нравственности. «Единство субъективного и объективного в себе и для себя сущего добра есть нравственность» [2, с. 220]. Совесьть как субстанциональное нравственное явление Гегель отсылает к объективному духу.

Нравственность как воплощение единства идеи и воления находит свою защиту в праве и выступает как живое добро. Гегель рассматривает совесьть в подтексте добра. Добро, как субстанция права и государства есть свобода субъекта. «Добро — здесь субстанция, т. е. наполнение объективного субъективным» [2, с. 222]. На этой ступени дух находит свое проявление в морально-нравственной сфере, познает себя в форме совести.

«Совесьть — это глубочайшее внутреннее одиночество, пребывание с самим собой, в котором исчезает все внешнее и всякая ограниченность, полное уединение в себе самом. Человек в качестве совести уже не скован целями особенности, и совесьть его тем самым — высокая точка зрения, точка зрения современного мира, который впервые дошел до этого сознания, до этого погружения в себя» [2, с. 193—194]. Если религия и право есть, по Гегелю, нечто внешнее, добровольно навязывающее, то «... совесьть знает саму себя как мышление и то, что это мое мышление единственно обязательное для меня» [2, с. 194]. Совесьть — это проявление свободы мышления, свободы добра и долга.

Гегель различает истинную и формальную совесьть. Истинная совесьть есть тождество субъективного знания и воления, когда знания и субъективная воля согласуются с истинным добром и только при таком условии утверждается и признается совесьть святыней. Спрашивается, а что есть истинное добро? Добро, по Гегелю, — это то, что поддерживает и укрепляет основы государства. Философские взгляды Гегеля на государство и право свидетельствуют о едином звене таких понятий как государство, долг и совесьть. Гегель подчеркивает, что «... совесьть в качестве истинной есть определение самой себя к тому, чтобы волить то, что в себе и для себя есть добро и долг» [2, с. 196], она способна из себя самой, и своей сущности определить, что есть добро.

Формальная совесьть есть такая совесьть вообще, где отсутствует согласие между знанием и волей человека, поэтому такая субъективность готова перейти во зло, и она чужда государству. Она не знает

и не мыслит, что есть право и долг, что есть моральное сознание и добро. По Гегелю, формальная совесть разрывает гармонию долга и добра, государства и совести. В то время как истинная совесть соединяет в единое целое добро и долг, совесть и государство.

Истинная совесть — это мышление добра, воплощенное в понятие семьи, общества и государства. Государство для людей есть всеобщая свобода и воля, есть высшее добро, где субъективная воля и объективный дух (нравственность) образуют нечто единое абсолютное есть проявление истинной, несомненной нравственности, а следовательно высочайшей, идеальной совести. Здесь добро как идея (мышление) находит свое проявление в неотъемлемой свободе государства. Гегель олицетворяет государство с нравственностью. Он подчеркивает, что все, что связано с нравственностью, порождает деятельностью духа. Свобода, добро, долг и совесть в себе и для себя — это основа проявления объективного духа. Добро есть идея, находящая свое проявление в соответствующей свободе государства. Поэтому совесть и долг, совесть и право, совесть и свобода мышления, рассматриваются в рамках развивающихся буржуазных отношений и буржуазной государственности. Гегель утверждает, что «существенное в воле есть для меня долг: если я не знаю ничего, кроме того, что добро есть для меня долг, то я не иду дальше абстрактного в добре. Я должен исполнять долг ради его самого, ...исполняя долг, я нахожусь у самого себя и свободен» [2, с. 190—191]. Гегель не называет конкретно, какой это долг, он у него абстрактен. Это, по-видимому, еще дань политической осторожности.

Быть нравственным означает творить добро, противостоять злу. Государство — это воплощение добра, и оно должно совершаться, но следует знать, что цель добра не будет достигнута в полной мере, потому как это — идеальная цель мира. Если бы она была реализована, если бы субъект стал нравствен, то субъективность бы отпала, если добро имело бы силу от природы, то отпала бы также свобода субъекта; а «субъект свободен только в борьбе» [1, с. 422]. По всей вероятности в таких условиях отпала бы и совесть.

Совесть как внутренний и нравственный регулятор поведения может проявляться только в развертывании свободы, только в свободе индивида, в его свободном волеии. Совесть как форма самосознания объективного духа распространяется на семью, общество и государство, но она ограничена только рамками процесса мышления. Если дух есть мышление добра, есть проявление совести, то дух по своему содержанию позитивен. Дух постоянно стремится к самопознанию, имея способность перевоплощаться в разные по значимости стадии.

Но совесть не может существовать без индивидов, без их действий, и в этом Гегель видит активную, деятельную природу самого духа. Сам индивид есть мыслящее существо, устремления которого должны быть пронизаны содержанием добра и долга. Объективный дух не может проявляться без субъективного духа, и путь его идет ко все более глубокому осознанию понятия свободы. Совесть приобретает в объективном духе форму объективной реальности, форму наличного бытия.

Совесть, по Гегелю, — это объективно-нравственный акт, связанный с государственным мышлением добра и ведущий к знанию абсолютного добра. Добро и совесть у Гегеля совпадают в абсолютном духе и являются регулятивной идеей для человека, общества и государства.

Сегодня актуально, чтобы мышление добра было дополнено волением и его творением. Добро и совесть должны быть действительными. Необходимость и настоятельность времени — это освоение не только общечеловеческой культуры, но и профессиональных знаний. Проявление совести нуждается не только во внутренней, но и во внешней свободе, и в их гармонии. Гегель заключает совесть и свободу в рамки семьи, общества и государства, это субъекты и носители свободы, культуры совести. Субъект, по Гегелю, может быть свободен только в борьбе. Но в какой борьбе? Гегель определяет место совести в борьбе за знания. Гегель ограничивается мышлением добра, он не оставляет объективному духу места для предметно-практической общественной деятельности.

Гегель придает большое значение государству как определенной форме объективного духа. Оно воплощает в себе жизнь родового разума. Государство должно выражать духовные интересы индивидуума, оно есть закономерный этап в развитии и самовыражении идеи. Государство, по Гегелю, должно быть разумным и действенным, правовым и нравственным.

Гегель государству придает божественное значение, оно выразитель интересов всех и в отдельности каждого. Идея государства, по Гегелю, должна мыслить лишь добро в масштабе рода, она должна быть связана с судьбой народа.

По Гегелю, мышление и творение добра должно составлять основное содержание мировой истории. Объективизация духа в форме государства важна для самого Гегеля. «Государство есть действительность нравственной идеи» [2, с. 319]. Государство — это культурно-родовой порядок, одна из форм развития и становления объективного духа, в нем все должно быть как в искусстве. Поскольку государство

примирает все противоречия, то оно как закон, порядок есть высшая форма пребывания объективного духа.

«Государство — это шествие Бога в мире» [2, с. 326], эта сфера подлинной свободы духа, это шествие идеи справедливости и добра, истины и красоты. Оно связано с жизненно-историческими вехами народов, с их миссией свободы.

Объективный дух есть звено, выражение определенной исторической культуры семьи, общества и государства. Сегодня можно сказать, что объективный дух культуры вступил в сферу цивилизации. Цивилизация как форма проявления культуры, она нуждается в художественно-поэтических и языческо-мифологических образах. Цивилизация просматривается как определенный этап в развитии культуры. Культура не умирает в цивилизации в противовес взглядам О. Шпенглера [4, с. 163—164]. В связи с этим меняется система ценностей культуры, но синтезирующим основанием современной цивилизованной культуры должно быть реальное добро, совесть, истина и справедливость.

Добро как сущность нравственности должно быть возведено в культ почитания, а нравственность, соответственно — в категорический императив, человеческое повеление. Сегодня все большее место в обществе начинает занимать информационно-массовая культура, но и она должна отвечать требованиям нравственного духа. Совесть как форма объективного духа должна быть культом почитания, духовно-нравственным регулятором каждого из нас. Дух совести должен пронизывать государство, общество и семью.

Итак, в философии совести Гегель видит ключ спасения человека и человечества в его самосознании, которое связано с самопознанием человека как активного носителя духа. Дух — это жизнь в ее многообразном проявлении. Дух — это развертывание идеи, воплощающее в себе субъект и объект, есть тайна и загадка мира. А мир есть такой процесс, который каждый раз показывает нам все новую грань своего неустанного развития, перевоплощения и все новую связь переходов.

Совесть находит свое существование и сущность в философии духа. Важным содержательным и решающим её моментом должно быть единство правового содержания и морального убеждения. Это единство, по Гегелю, наиболее полно должно проявляться в государстве.

Философия совести сводится к большим обобщениям, она как связующее звено таких понятий у Гегеля, как свобода, добро, долг и высшая справедливость. Её содержание развертывается через понятия «идея». Идея в своем развитии превращается в наиболее

обобщенное понятия «дух». Дух, по Гегелю, способен мыслить, и рассматривается он на основе нравственности. Нравственность у Гегеля — это духовный пласт, который служит духовной базой для функционирования семьи, гражданского общества и государства. Проявление духа осуществляется в субъективной, объективной и абсолютной формах. Дух способен мыслить добро и совесть. Понятия «добро» и «совесть» сливаются в способности мыслить и волевать. Совесть выступает обобщенным фактором добра. Добро мыслимое и волевое не может быть без совести как воплощенного объективного духа. На уровне объективного духа происходит реализация и проявление совести в семье, гражданском обществе и государстве. Гегель рассматривает проявление совести через активность субъективного духа. Происходит соединение объективного духа, носителя нравственных понятий добра и совести с субъективным духом, через такие объективные формы как семья, гражданское общество и государство.

Совесть стала объективным субстанциональным фактором жизнедеятельности человека, это объективный повелитель, принадлежащий обществу, это важнейший регулятор нравственности. Но в то же время, этот элемент объективного духа действует через субъективную волю людей.

Сегодня необходимо обратить особое внимание на редчайшее явление человеческого духа, наделенного сознанием и свободой, способного познавать себя, видеть себя со стороны и выполнять свой долг — жить и трудиться по совести.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*/ Пер. с немец.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. — 524 с.
2. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*/ Пер. с немец. Б.Г. Столпнера: Примеч. В.С. Нерсесянца. М.: Мир книги, Литература, 2007. — 464 с.
3. Егоров А.В. *Совестология как научная область знаний (о культуре совести) «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»* / Сб. ст. по материалам XLIV междунар. науч.-практ. конф. № 1 (44). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. — 120 с.
4. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность*/ Пер. с немец. М.: Мысль, 1998. — 663 с.

2.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В СЕМИОТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Бедаев Александр Иванович

аспирант кафедры философии

Астраханского государственного университета,

РФ, г. Астрахань

E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

IMPORTANCE OF CONSTANTINOPLE IN SEMIOTICS OF THE MEDIEVAL RUSSIA

Bedaev Aleksandr

post-graduate student of Chair of Philosophy, Astrakhan State University,

Russia, Astrakhan

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье автором ставится задача рассмотреть, какую роль играл образ Константинополя в семиотическом пространстве Руси. На основании историко-диалектического метода в статье отстаивается мысль о том, что Константинополь играл знаковую роль в русской культуре, являя собой образ «Святого Города». В статье прослеживается русская культурная традиция обращения к образу Константинополя в домосковской и Московской Руси.

ABSTRACT

The author of the article sets the goal to study the role of the image of Constantinople in the semiotic space of Russia. On the basis of the historical and dialectical method the article asserts the idea that Constantinople played a significant role in Russian culture, being the image of the Holy City. The article traces the Russian cultural tradition of treating the image of Constantinople in pre-Muscovite and Muscovite Russia.

Ключевые слова: Константинополь; сакральное; символ; Святой Город.

Keywords: Constantinople; sacral; symbol; the Holy City.

Русское средневековое сознание, будучи по преимуществу религиозным, было глубоко символичным. Русский человек сталкивался с разного рода символами повсюду: символическое значение дома и храма, праздника и иконы, имени города, страны или своего собственного — только отдельные части сложного комплекса символов, в своей связи дающие картину целостных представлений наших предков о мире, человеке и своей стране. Причём, надо подчеркнуть, что система этих представлений была именно целостной. С.С. Аверинцев замечает: «...христианство, к концу своего первого тысячелетия являет такую степень взаимной «пригнанности» входящих в её состав символических структур, что в каждом фрагменте его содержания уже как бы дано в свёрнутом виде всё целое» [1, с. 522]. И, надо полагать, средневековая идея Святой Руси и образ Святого Города не стоят вне этого феномена. Святой Город, являющийся столицей государства, свою святостью декларирует святость самой страны или избранность её народа. В категории избранности в средние века рассматривал себя еврейский народ, в категории священного — Византия, в категории святости — Русь.

Науке хорошо известны параллели, проводимые русскими книжниками между русскими городами и Иерусалимом, признаваемым средневековым христианским сознанием центром всего мира. В этом отношении Русь двигалась в рамках традиции, задаваемой ей Византией и потому иконировала образ не только Иерусалима, но и образ Константинополя. Однако, если обращение Москвы к образу Константинополя более или менее понятно, то соотношение с ним Киева время от времени вызывает сомнения и вопросы. В нашей статье мы попытаемся рассмотреть значение Константинополя в семиотическом поле средневековой Руси на примере таких городов как Киев, Владимир и Москва.

Константинополь, будучи столицей мощной, некогда единственной христианской империи, чётко представлял себе ту роль, которую ему должно было играть в среде варварских народов, окружавших его. Понимая себя столицей православного мира (Рах Christiana), Константинополь претендовал на роль Иерусалима. Эти претензии проводились по линии градостроительной семантики, апеллирующей к образу Иерусалима, по линии собирания святынь (например, Посох Моисея, Престол Соломона, Крест Константина), а также исходя из особенностей культурно-географического положения города.

Находясь на границе Европы и Азии, Константинополь понимал себя как сакральный центр, из которого словно лучи от солнца исходило слово православной веры. Феодор Синкелл писал, что Константинополь — хранитель православия и посягательство на него со стороны варваров — угроза не только городу, но и самому православию: «Константинополь есть око христианской веры, и нападение на него ставит под угрозу проповедь тайны Христовой до края земли» [4, с. 81].

Город, сам по себе, в средневековую эпоху понимался как остров разумности, смысла, упорядоченности, т. е. Космоса среди не имеющих смысла хаотических сил. Это понимание города имело очень древнюю историю. Дополненная христианскими смыслами, исходная символика города создаёт образ Святого Города. Город — своеобразный центр земли. Эта роль центра усиливается пониманием конкретного города как столицы страны. В этом плане образы Киева, Москвы (ещё ранее — Владимира), Иерусалима и Константинополя неизбежно будут стоять в одном ряду. Различия здесь, по-видимому, могут иметь место, во многом, будучи определяемыми географическим положением городов. Ю.М. Лотман разделяет города на концентрические и эксцентрические, где концентрические города — это те, которые формируют, организуют вокруг себя культурное пространство. Такие города строятся на горах или горе, имеют начало, но не имеют конца. Город такого типа — Вечный город. В этом смысле и Киев, и Москва могут быть названы *urbis aeterna*, и в этом отношении оба они оказываются близкими к образу Рима. Константинополь, по типологии Ю.М. Лотмана должен быть определён как эксцентрический город. Находясь на границе культурного пространства: на берегу моря, в устье реки, такой город порождает эсхатологические ожидания, связанные, как правило, с победой стихии над освоенной человеком территорией — территорией разума, смысла. В этом отношении Константинополь как город, «который устойчиво выполняет роль “невечного Рима”», оказывается даже дальше от Рима, нежели Киев [4, с. 321]. Впрочем, как мы видели раньше, для сознания самих греков Константинополь причудливым образом сочетал и идею сакрального центра — «ока христианской веры», и идею будущей его гибели.

В отечественной науке, порою, можно услышать замечания по поводу исключительной новизны идеи «Москва — Третий Рим». Однако, постулирование собственной святости через обращение к образу Святого Города существовало ещё в эпоху Киевской Руси. Это обращение можно обнаружить в строительной семантике Киева,

Новгорода, Владимира, Твери, Москвы [2; 3]. При этом, следует напомнить, что русские города строились с использованием образа не только Иерусалима, но и Константинополя.

А.С. Усачёв полагает, что обращения Киева к образу Константинополя не существовало [7]. Исследователь аргументирует эту позицию наличием военного противостояния между Русью и Византией в киевскую эпоху. Однако, нельзя забывать, что для русских людей Константинополь был тем городом, откуда сама Русь приняла христианство: горделивый ответ Ивана Грозного Антонио Поссевино был дан гораздо позже. Кроме того, Константинополь был сосредоточием важнейших христианских святынь. По одной только этой причине неверно было бы думать, что Константинополь мог восприниматься на Руси в категории профанного. Любопытно, что праздник Ризоположения, известный на Руси уже в XII в., был связан в своём происхождении с поражением русов под стенами Константинополя. В отсутствии же патриотизма, думается, наших предков упрекать нельзя. Этот феномен в отечественной истории показывает, что сама православность могла ставиться выше собственно национального чувства. В данном случае, столь дорогую сердцу русского человека православность, в противовес собственному «поганству» (язычеству), олицетворял, видимо, именно Константинополь.

Кроме того, в русской истории киевского периода имеются обращения к образам византийских правителей — Константина и Елены. Как известно, Владимир Святой именовался в русских источниках новым Константином. И принятие Ольгой при крещении имени Елена, конечно же, позволяло проводить параллели между нею и св. царицей Еленой — матерью Константина. Наконец, прозвание Владимира Святославича «Красное Солнышко» созвучно с константинопольской статуей Константина, изображённого в солнечном венце и с крестом в руках (по Русскому Хронографу 1512 г.). Впрочем, понимание образа князя Владимира как крестителя Руси имело место ещё раньше — в киевскую эпоху. В XIII в. Владимир канонизируется. А официально эпитет «креститель» он получает уже в XIV в.

А. Корневский полагает, что своим строительством храма св. Софии Киев заявил претензии на ту же роль в православном мире, на какую претендовал Константинополь, оттесняя последний на задний план [2]. Однако, нам представляется такое мнение не совсем верным, т. к. создаваемый художником образ не устранял сакральной значимости Первообраза. «Мысль древних славянских книжников устремлялась к первообразу, минуя его материальное воплощение. Там, где нам видятся конкретные различные предметы,

они видели единую метафизическую сущность» — замечает М.Б. Плюханова [6, с. 109]. Поэтому, если политически строительство Софии Киевской и апеллировало к образу Константинополя как царствующего града, то в плане сакрального его значения такая апелляция не могла служить причиной его десаκραлизации. И потому, даже если в русских источниках встречается выражение «греци лукавии», на священный характер «Града Константина» это повлиять не могло. Здесь следует помнить, что действия человека, его личный грех, кроме измены православию, не могло рассматриваться как достаточный для упразднения или удаления святости. Противостояния с Византией русская история знала не единожды. И всё же, после апостасии Константинополя и последующего его захвата турками, на Руси испытывалась растерянность. Помимо восторженно-панегирической литературы, вроде «Повести» Симеона Суздальца, в XV в. были составлены «Рыдания» и «Плачи» по Константинополю.

Как показала М.Б. Плюханова, победа в походе Андрея Боголюбского на половцев в 1164 г. была отнесена, согласно Лаврентьевской летописи, к иконе Владимирской Божией Матери, а в Спасо-Прилуцком Прологе (конец XIV — начало XV в.) — к образам Спаса и Креста, что, по мнению учёного, имеет византийский оттенок [6, с. 124—132]. XIV в. был временем очередного противостояния между Византией и Русью на почве церковных отношений. События греческой и русской истории в XV в., как мы уже отмечали, породили на Руси литературу, полную надежд и провозглашение Москвы Новым Константинополем и Новым Римом. А в XVI в. возникает легенда о «Мономаховом венце», пишутся Степенная книга и Русский хронограф. Всё это снова, в том или ином виде, обращает нас не только к Риму, но и, помимо прочего, к берегам Босфора.

Таким образом, русская культура, получившая мощнейший импульс из Византии, уже в эпоху Киевского государства обращалась к образу Константинополя — Царьграда, в начале ещё достаточно робко, используя преимущественно пластические или искусно скрытые в тексте способы выражения идей, но со временем язык архитектуры и скупых, завуалированных сопоставлений был дополнен открытым письменным словом. Вот почему может показаться на первый взгляд, что Киев прочнее ассоциировал себя с Иерусалимом, минуя Константинополь, а Москва — с Константинополем и Римом. Надо думать, что и для Киевской, и для Московской Руси образ Константинополя неизменно был сакрально значим.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской, с. 520—551. // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. — 760 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
2. Кореневский А. «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих // *Ab Imperio*, — 2001, — № 3, — с. 123—142.
3. Кучкин В.А., Флоря Б.Н. Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV—XV вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29—31 мая 1989 г. М.: Институт российской истории РАН, 1995. — С. 186—202).
4. Логман Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство СПб», 2010. — 704 с.
5. Петренко В.И. Власть в церкви. Развитие власти в русской православной церкви. Серия «Коллоквиум в монографиях». Черкассы: Коллоквиум, 2012. — 294 с.
6. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. — 336 с.
7. Усачёв А.С. Третий Рим или Третий Киев? (Московское царство XVI в. В восприятии современников). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/Istoriografiya/Tretie-Rim-ili-Tretie-Kiev-Moskovskoe-carstvo-XVI-v.-v-voSPIriatii-sovremennikov.html> (Дата обращения: 25.04.2014).

2.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ЭКОЛОГИЯ РАЗУМА И ВОПЛОЩЕННОЕ СОЗНАНИЕ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Комар Елена Викторовна

доцент, канд. филос. наук,

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

доцент кафедры философии и методологии науки,

Украина, г. Киев

E-mail: olena.komar@ukr.net

ECOLOGY OF MIND AND EMBODIED MIND VS ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Olena Komar

Ph.D., Associate professor of Philosophy and methodology of science

department Taras Shevchenko National University of Kyiv,

Ukraine, Kyiv

АННОТАЦИЯ

В статье проводится сравнительный анализ нескольких наиболее актуальных научных тенденций в интерпретации сознания, использующих данные биокibernетики, эволюционной эпистемологии и нейрофизиологии. Выявлены причины несовместимости теории искусственного интеллекта и концепции воплощенного разума. В качестве идеи, способной объединить противостоящие позиции, предлагается использовать «экологию разума» Г. Бейтсона.

ABSTRACT

This article gives comparative analysis of some main actual scientific tendencies of interpretation of consciousness using biocybernetics, evolutionary epistemology and neurophysiology. Upon examination of the explicated reasons of inconsistency of Artificial Intelligence theory and Embodied Mind concept, it becomes clear that Beytson's ecology of mind establish a bridge between both contradicting theories.

Ключевые слова: искусственный интеллект; воплощенное сознание; экология разума; сознание; познание.

Keywords: artificial intelligence; embodied mind; ecology of mind; consciousness; cognition.

Глобальная научная революция, создавшая в конце XX века множество междисциплинарных направлений постнеклассической науки не оставила в стороне ранее считавшуюся прерогативой философии тему сознания. Сразу несколько научных междисциплинарных направлений обратились к исследованию происхождения, сфер и границ познания и разума в их связи с языком, строением мозга, и эволюцией когнитивных способностей. Наиболее ощутимых результатов удалось добиться за последние сто лет нейрофизиологии, эволюционной биологии и возникшим относительно недавно кибернетике, включительно с теорией искусственного интеллекта, и когнитивной науке (cognitive science). Однако выводы и результаты этих исследований, основывающихся на различных научных данных, и исходящих из несовместимых философских предпосылок, не могут быть непротиворечиво интегрированы в единую философскую картину сознания. Ниже мы попытаемся выявить причины расхождений между последователями нескольких наиболее востребованных современных тенденций интерпретации сознания и очертить возможные пути их интеграции.

Возникновение теории (впоследствии теорий) искусственного интеллекта стало одним из наиболее ярких научных событий двадцатого века, обещающего полностью перевернуть бытующие представления о сознании и мышлении. Однако, несмотря на то, что развитие компьютерных технологий даже опережает оптимистические прогнозы прошлого века, надежды на искусственное создание разума, приближенного к человеческому, в ближайшем будущем все ещё кажутся призрачными. Амбициозные планы вдохновителей и творцов искусственного интеллекта, по сути, исходили из той же философской предпосылки, которой руководствовалась классическая западная антропология, воспитанная на идеалах Нового времени. Ведь, как ни парадоксально, основания для функционалистического понимания сознания закладывались той же антропологической картиной мира, которая рассматривала разум и сознание не как высшие биологические свойства, являющиеся неотъемлемой характеристикой конкретного вида живого существа, а как сущностные черты человеческого в человеке, как *modus esse homo*, способ преодоления естественных ограничений, налагаемых природой. Достигая своего

логического развития в дуалистической картезианской онтологии и абсолютизированная в немецкой классической философии, ренессансная метафора человека как венца творения позволила фактически отождествить сознание и интеллект, а последний редуцировать к мышлению как основополагающему его проявлению.

Именно такой ракурс и используется в многочисленных теориях искусственного интеллекта с той разницей, что в качестве онтологической основы мышления рассматривается любой (само-) управляемый механизм. По сути, компьютерный функционализм, приравнивающий мышление к исчислению, нарушает классическую интерпретацию только в средневеково-онтологическом смысле отождествления существования и сущности, позволяя в теоретическом плане допускать возможность реализации одного и того же свойства, а именно, мышления, равным образом в человеке и машине (вспомним название центрального произведения Норберта Винера, фактически, давшего начало науке кибернетике, — «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине»). Согласно Х. Патнэму, функционализм является онтологически нейтральным, поскольку, подобно поведению в бихевиоризме, функция является определяющей для отождествления ментальных свойств. Таким образом, говорить о «сознании», «разуме», «интеллекте» можно только в терминах ментальных функциональных свойств, независимо от способа их реализации. Кстати, современная нейрофизиология вплотную приблизилась к реализации футуристических прогнозов на тему бионического разума, но при этом, как отмечает Мичио Кайку в знаковой книге «Физика будущего», существует колоссальное несоответствие между потрясающими успехами компьютерной науки и исследованиями искусственного интеллекта [2, с. 86—88], притом, что неискушенное сознание, зачастую, просто отождествляет эти две сферы.

Основные отличия, возможно и приведшие к заметному разрыву в развитии этих направлений единой научной области знаний, не столько строго дисциплинарные, сколько инструментальные. Создание и последующее использование инструмента диктуется целью, каковой обычно в науке является решение конкретной проблемы. Но, учитывая открытость обеих систем — и исследователя, и средств исследования — нельзя недооценивать обратное влияние, а именно, формирование представлений о мире при помощи инструментов познания. Поэтому, если будущее развитие компьютера в ближайшие тридцать лет ограничивается эмпирическими рамками действия закона Мура (и только в том случае, если закономерность развития сохранит те же параметры, что и в предыдущие десятилетия), то ограничения

развития искусственного интеллекта следует искать в постановке самой цели и соответствующем инструментальном наполнении. Эйфория середины прошлого века, когда вот-вот ожидался грандиозный прорыв в науке об искусственном, и последующие за разочарованием в несбывшихся надеждах две «зимы» 70-х и 80-х годов, когда никаких существенных революционных открытий так и не произошло, вследствие чего было приостановлено финансирование и начался «отток умов» из сферы ИИ, научили более сдержанно относиться к функционалистской компьютерной метафоре. Более сбалансированная позиция защитников проекта искусственного интеллекта требует не проводить буквального отождествления сознания, возникающего на основе мозга и цифрового компьютера, а также не ожидать возможности создания полноценного компьютерного разума путем имитации естественного.

Наиболее реалистичный результат, которого следует ожидать не в ближайшем, а скорее, отдаленном будущем, соответствует так называемой «слабой версии» искусственного интеллекта, и может состоять в построении полноценной эмпирической *модели* человеческого мозга (именно модели, со всеми существенными признаками отличия модели от моделируемой основы). Наиболее критичной в отношении компьютерного функционализма теорий ИИ, если не принимать во внимание классическую философскую школу, аргументы которой лежат в иной плоскости, является позиция сторонников междисциплинарного подхода к проблемам познания и сознания под общим названием “Embodied Mind”, наиболее точным русским переводом которого есть «воплощенный разум». Начало этому философско-научному направлению положила одноименная книга биолога Ф. Варелы, философа Э. Томпсона и психолога Э. Рош, в которой пересматривалось центральное для когнитивной науки понятие опыта [4]. Авторы отвергли узкое понимание когниции как процессов, связанных исключительно с мышлением, расширив его до отождествления с процессами жизнедеятельности организма в целом. Воплощенное, или, как его еще называют, «инактивированное» познание является функцией не отдельно взятых сознания и мозга, а активной деятельностью физического тела (включительно с наипростейшей соматикой) по освоению среды (в этом смысле ещё Карл Поппер говорил о любом живом организме как о «решателе проблем»). Очевидный аргумент против возможности искусственного моделирования сознания со стороны такого воплощенного подхода состоит в том, что любой способ организации, отличный от человеческого, с неизбежностью приводит к равноценным когнитивным

отличиям. Поскольку нельзя познание рассматривать в отрыве от процессов (жизне-)деятельности, а любую форму деятельности следует считать когнитивной, но эмерджентно возникающей как следствие особой телесной организации, то рассуждения о компьютерном разуме, подобному человеческому, при существенных различиях в способах организации обеих форм, следует считать безосновательными. «У компьютеров нет тел», поэтому ни о каком машинном сознании не может и быть речи, — так аргументируют свое отрицание самой идеи искусственного интеллекта последователи идей У. Матураны и Ф. Варелы. Однако отрицание алгоритмических процессов в живом организме и их связь с возникновением сознания также следует считать неоправданным.

Общим звеном между функционалистической интерпретацией сознания как «машин Тьюринга» и современными естественными науками является эволюционная идея «машин Дарвина». Термин «машина Дарвина», употреблявшийся сначала несколько иронично в отношении человека как «генетически запрограммированного» природой автором термина «мэм» Р. Доукинзом и его последователями, получил более широкое распространение и приобрел популярность, в том числе и благодаря философу Д. Деннету. По мнению одного из видных современных неodarвинистов, нейробиолога Уильяма Кальвина, продолжающего мысль биологического программирования, мы более «серийны», чем «разумны», поэтому человек имеет намного больше оснований называться *homo seriatum*, чем *homo sapiens* [3, p. 34]. Поэтому, хотя идея полной алгоритмичности работы сознания и является предельно упрощенной и неверной, но тем не менее, использование математических моделей в «инженерии мозга» является неизбежным.

Следуя логике развития нейрофизиологии и биологии последних десятилетий, переход от «машин Тьюринга» к «машине Дарвина» вполне вероятен, более того метафора превращается в гиперболу. Создатели ИИ, так же, как и апологеты редукционистской физикалистической биологии оказались не в корне неправы, а лишь существенно преувеличили роль алгоритмичных, а поэтому математизируемых процессов в природе и культуре.

Естественные основания сознания и познания без редукции последних к исключительно биологическим феноменам существуют, — так считал и выдающийся кибернетик, эпистемолог и биолог Грегори Бейтсон, о чем красноречиво свидетельствует название его последней книги «Разум и природа. Неизбежное единство». Приверженность этой идее и возможность ее практического применения Бейтсон продемон-

стрировал в использовании в психиатрии метода, основанного на идее «двойного послания» (double bind), эпистемологически имеющего кибернетические корни. Границами разума не являются границы тела, поскольку разум имманентен среде в целом, с которой он образует единую систему, поэтому разделение естественного и гуманитарного должно быть преодолено «экологией разума». Экология разума, таким образом, может выступить прототипом будущей междисциплинарной науки и одновременно этико-эпистемологической моделью, в которой противопоставление природы и разума, естественного и искусственного, биологического и культурного становится излишним.

Вместо противопоставления мы предлагаем использовать идею значимого различия. В таком контексте изначально критикуемая за свою ограниченность идея компьютерного функционализма обретает новое значение, а именно, как способ различения, являющийся кибернетическим условием информационной среды. «Небезразличное различие» (*a difference that makes a difference*), которое Бейтсон считал основой деятельности разума [1], может рассматриваться одновременно и как метод, и как условие «экологичного» (в бейтсоновском смысле) познания.

Список литературы:

1. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: избр. ст. по антропологии / Г. Бейтсон ; пер. с англ. и предисл. Д.Я. Федотов. Изд. 2-е, испр. М.: URSS. КомКнига, 2005. — 229 с.
2. Кайку М. Фізика майбутнього / Переклала з англ. Анжела Кам'янець. Львів: Літопис, 2013. — 432 с.
3. Calvin W.H. The brain as a Darwin machine. Nature. 1987 (5 November). P. 33—34. — 330 p.
4. Varela F., Thompson E. and E. Rosch, 1991, The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience, Cambridge, MA: MIT Press. — 328 p.

СИМУЛЯКР И ТРАНСГРЕССИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ

Фаритов Вячеслав Тависович

канд. филос. наук, доцент

Ульяновского государственного технического университета,

РФ, г. Ульяновск

E-mail: vyfar@mail.ru

SIMULACRUM AND TRANSGRESSION IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE: SPECIFICITY CONCEPTS OF MODERN ONTOLOGY

Vyacheslav Faritov

candidate of Science, assistant professor

of Ulyanovsk State Technical University,

Russia, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье рассматривается процесс преобразования категориально-понятийного аппарата в современном философском дискурсе. На основе анализа таких концептов современной неклассической философии, как симулякр и трансгрессия, эксплицируется специфический статус онтологии на данном этапе развития философской мысли.

ABSTRACT

This article examines the process of converting categorical conceptual apparatus of the modern philosophical discourse. Based on the analysis of modern non-classical concepts of philosophy, as a simulacrum and transgression, explicated specific status of ontology at this stage of development of philosophical thought.

Ключевые слова: симулякр; трансгрессия; дискурс; онтология; перспектива.

Keywords: simulacrum; transgression; discourse; ontology perspective.

Современная неклассическая онтология характеризуется установкой на кардинальную переработку категориально-понятийного аппарата. Исчезают понятия классической метафизики, такие как сущность, субстанция, истина, трансценденция. Их место в философском дискурсе занимают новые концепты, появление которых обусловлено сущностными преобразованиями в области онтологии. Меняется понимание бытия — настолько, что употребление самого термина «бытие» становится проблематичным. В постструктурализме, как одном из наиболее симптоматичных направлений неклассической философской мысли, место бытия и сущего занимает *симулякр*, а место трансценденции — *трансгрессия*.

Сам термин «симулякр» возникает еще в переводах Платона на латинский язык, однако наибольшее употребление и современное значение получает только в XX столетии в концептуальных разработках Ж. Батая [5], Ж. Делеза [8] и Ж. Бодрийера [7]. Как отмечает Н.А. Балаклеец, симулякр представляет собой «пустой знак с выхолащенной семантикой, голую форму, рациональное и эмоциональное наполнение которой зависит от индивидуального сознания конкретного потребителя» [2, с. 125]. Симулякр как онтологический феномен характеризуется двойной направленностью: с одной стороны, он избегает сущности, выпадает из порядка фундирования и репрезентации, а с другой — имитирует то, чем он не является, а именно — сущее, бытие, понятие. В силу этой двойственности симулякры нельзя изобличить в простой фальсификации — как отмечает П. Клоссовский, они не являются «псевдопонятиями», которые можно было бы разоблачить, опираясь на методологию позитивизма [9]. Симулякры скорее напоминают поведение актеров на сцене: представляя то, чем они не являются, они не стремятся скрывать неистинность происходящего. Игра, видимость и неподлинность составляют сам способ их существования.

Классическая метафизика выстраивает замкнутую перспективу с единым фиксированным центром и конституирует четко определенные понятия, устанавливающие диктатуру тождества и отграничивающие одно тождество от другого. Однако конструктивный характер претендующего на самодостаточный статус понятия выступал в качестве камня преткновения философских систем на протяжении нескольких столетий. Как отмечает Т. Адорно: «Познание давно ломало себе голову, оно набило немало шишек, размышляя над тем, как мало совпадает отдельно существующее со своим высшим понятием; как прозрачно это отдельное, как трудно поэтому интерпретировать его как последнее, как причину и основание. После

добротных выводов гегелевской логики это единичное есть-не-просто-в-себе-но-в-себе-свое другое и связано с другим. То, что есть, больше, чем оно есть. Это больше (Mehr) не дано единично извне, а сохраняется в качестве имманентного вытесненного [из есть и является им] (ist)» [1, с. 148]. Отдельно существующее, не совпадает со своим понятием, поскольку не является продуктом одной бытийно-смысловой перспективы. Оно не замкнуто, но открыто различным перспективам и их векторам, существует на их пересечении как точка, узел схождения и расхождения, оно — больше, чем оно есть по своему понятию. Оно и существует в качестве этого неразрешимого и несводимого к единству «больше».

И. Кант отправляет это «больше» (Mehr) в трансцендентную область вещей в себе. Светлый мир сознания, сконституированный из созерцаний и категорий и завершенный идеями чистого разума, оказывается навсегда отделен от этого погруженного в трансцендентное «больше». Гегель предпринимает попытку высвобождения того, что превосходит замкнутое себестождественное понятие, из непознаваемой потусторонности трансцендентного. Но он делает это, оставаясь на почве самих понятий: исходя из понятий пытается выйти за их границы. Гегель не хочет отказаться от понятий и вступить в область симулякров, хотя, в конечном итоге, именно к этому и ведет движение его мысли. Но он стремится во что бы то ни стало сохранить понятие как понятие.

Симулякры выявляют множественный и конструктивный характер понятий, раскрывают их притязание на фиксированную определенность и самождественность, раскрывают зыбкость и проницаемость их границ. Симулякры осуществляют трансгрессию понятий. Но симулякры не являются истиной понятий, их подлинной сущностью. Они представляют собой только конструкторы другого режима функционирования философского дискурса, который сам по себе не более истинен, чем производящий замкнутые понятия метафизический режим. В перспективе трансгрессии понятия (неклассическая философия) разлагаются как цвет на спектр переходящих друг в друга и не имеющих четких границ полутонов и оттенков, в перспективе трансценденции (классическая метафизика) — полутона и оттенки сгущаются в четко отграничиваемые друг от друга цвета.

М. Бахтин, а вслед за ним Р. Барт в своих исследованиях художественных текстов [6; 4] раскрывали в одном слове, в одном голосе интерференцию двух разнонаправленных голосов. Здесь нет никаких ограничений количественного характера, и одно слово, голос или, перспектива бытия могут конституироваться на пересечении

множества гетерогенных перспектив, что и происходит в трансгрессивном режиме. Бытийно-смысловую единицу, с одной стороны, выступающую полем подобной интерференции, а, с другой стороны, симулирующую однонаправленность и самождественность, следует определять в качестве симулякра. Дискурс не в состоянии раскрыть множественность и гетерогенность в чистом виде, поскольку любая попытка представить нетождественное в понятии ведет к его отождествлению. Постулирование нетождественного в качестве невыразимого возвращает философский дискурс назад к метафизическим построениям. Невыразимое — это трансцендентное тождество, одно из самых жестких.

Мы можем лишь предположить, что в мифические или еще более древние эпохи ситуация была иной: что тогда из разряда невозможного была задача раскрыть тождество, привести множество к единству, хаос к порядку. Возможно, из этих усилий по преодолению чистой множественности и гетерогенности бытия в незапамятные времена и начали складываться первые формы дискурсов. Подобные гипотезы можно найти в работах Ф. Ницше [10]. Так это или нет, сейчас (в смысле исторического культурного времени) все дискурсы конституированы на базе тождества — обратных примеров мы не найдем.

Однако существуют режимы функционирования дискурсов, для которых конститутивными являются множественность и гетерогенность. Одним из таких является трансгрессивный режим. Поскольку это режим дискурсов, у него нет иного пути, кроме как двигаться от понятийных тождеств: «Пусть поэзии открывается путь, на который всегда вставал человек, ощутив потребность избавить себя от непомерной власти языка, но ведь кроме языка у нас и нет другого пути» [5]. Из этой дилеммы возникают симулякры. Они играют в понятия, язык, тождество, в действительности ничем из этого не являясь. Отсюда неуловимость симулякра для трансценденталистского режима — его нельзя зафиксировать, подчинить иерархической системе. Он подобен вирусу, который, проникая в систему обманом, захватывает и перекодирует ее, — с той разницей, что вирус имеет вполне определенную идентичность, а симулякр — нет. Поскольку он лишен центра, означаемого, идентичности, невозможна определенность в отношении того, с чем именно имеешь дело. Это permanently преобразуемая множественность в оболочке тождества, Протей в овечьей шкуре.

Симулякр нейтрализует порядок репрезентации: он не может ничего выражать в силу отсутствия означаемого, а точнее, множественности равноправных претендентов на этот статус, из которых

невозможно сделать выбор. Множественность не поддается репрезентации, симулякр может лишь симулировать наличие означаемого, которое у него отсутствует в действительности. «На первой стадии эта знаковая реальность отсылает к некоей иной реальности, божественной или природной, она замещает репрезентирует ее. Впоследствии знаки становятся все более свободными и самодостаточными, они эмансипируются и десакрализируются» [3, с. 120].

Хотя симулякр является специфическим концептом постструктуралистского подхода, в целом можно отметить, что он отражает наиболее существенные преобразования в современной онтологической мысли. Характер этих преобразований является настолько значительным, что в ряде случаев не будет преувеличением говорить о конце онтологии как таковой. Симулякру уже не отвечает никакое бытие, никакое сущее. Данный концепт следует признать антионтологическим по своему содержанию.

Список литературы:

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. — 374 с.
2. Балаклеец Н.А. Особенности понимания идентичности в современном мире // Знание и понимание: сферы и границы: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2010. — С. 121—130.
3. Балаклеец Н.А. Способы познания социального пространства // Познание: многообразие путей, форм и когнитивных практик: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2011. — С. 114—122.
4. Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009. — 373 с.
5. Батай Ж. Внутренний опыт. [Электронный ресурс]. Режим доступа. — URL: http://books.sh/blib_139017.html (дата обращения: 05.03.15).
6. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М.: «Советская Россия», 1979. — 320 с.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. — 472 с.
9. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб: Мифрил, 1994. — С. 79—91.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / Ф. Ницше. М.: Культурная революция, 2012. — С. 7—229.

СЕКЦИЯ 3.

ИСТОРИЯ

3.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ИСТОРИКИ УНИВЕРСИТЕТА — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Васильева Сардана Дмитриевна

*студент 4 курса, кафедра методики преподавания истории
и обществознания СВФУ им. М.К. Аммосова,
РФ, г. Якутск*

E-mail: sardan4ik.vasileva@mail.ru

Атласова Саргылаана Серафимовна

*канд. ист. наук, СВФУ им. М.К. Аммосова,
РФ, г. Якутск*

HISTORIANS OF THE UNIVERSITY — PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sardana Vasilyeva

*4-year student, Teaching methods of History and Social Studies Chair,
North-Eastern Federal University in Yakutsk,
Russia, Yakutsk*

Sargylaana Atlasova

*candidate of Historical Sciences,
North-Eastern Federal University in Yakutsk,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено участие преподавателей исторического факультета Якутского пединститута в Великой Отечественной войне. Изучены биографии П.Н. Токарева, И.А. Аргунова и П.С. Софронеева. Новизной данной статьи является, то что, автором впервые исследован вклад преподавателей исторического факультета в Победу над фашистами.

ABSTRACT

The article deals with the professors' participation of History Department of Yakut Pedagogical Institute in Great Patriotic War. Biographies of P.N. Tokarev, I.A. Argunov and P.S. Sofroneev are under study. The novelty of this paper is the fact that the author studied the contribution of teachers of History Department to the victory over fascists separately.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Якутский пединститут; Якутский учительский институт; исторический факультет; П.Н. Токарев; И.А. Аргунов; П.С. Софронеев; вклад историков в Победу.

Keywords: II World War; Great Patriotic War; Yakut Pedagogical Institute; Yakut Teachers' Institute; History Department; P.N. Tokarev; I.A. Argunov; P.S. Sofroneev; historians' contribution to the victory.

«Война» — это самое страшное слово, которое приносит лишь боль и страдание. Велись войны везде, на всех континентах мира. Одной из самых кровопролитных является Вторая мировая война, которая втянула в свою орбиту 61 государств с населением 1 миллиард 700 миллионов человек. Ее главная тяжесть пала на Советский Союз. С каждым годом мы отдаляемся от событий Великой Отечественной войны. Начинаем забывать о наших дедах и бабушках, которые, отдавая свою жизнь, сражались за нашу свободу. С каждым годом сокращается число ветеранов войны и тыла. Сегодняшняя молодежь только со страниц учебников, СМИ, из художественных фильмов, в которых очень много выдуманных, неверных сюжетов, выносит крупинцы знаний. Каждый год в различных телевизионных передачах, на страницах журналов появляются фальсификации о героях Советского Союза, событиях ВОВ. На наш взгляд, эти публикации оскверняют ту самую святость, ту самую любовь к родине, за которые сражались наши ветераны. Тема Великой Отечественной войны всегда была, есть и будет актуальной, так как война затронула каждую семью

нашей родины. И мы должны время от времени «вспомнить всех поименно».

22 июня 1941 г. фашистская армия напала на СССР, и с первого дня война приняла всенародный характер. Не остались в стороне и преподаватели, студенты главного вуза Якутии. 23 июня 1941 г. На митинге студенты и сотрудники якутского педрабфака Якутского учительского института и Педагогического института заявили горячее желание защищать Родину и добровольно вступили в ряды действующей Красной Армии. На 1 сентября 1941 г. из Пединститута г. Якутск были призваны 33 человека. На 6 июня 1942 г. в ряды Красной Армии были призваны 9 преподавателей, 24 рабочих, 3 служащих и 57 студентов.

Всего за годы ВОВ было призвано 63 работников и преподавателей, а также 244 студентов Якутского пединститута (ЯПИ), Якутского учительского института (ЯУИ) и Педрабфака.

Среди защитников Родины были студенты и преподаватели исторического факультета. Это Н.С. Романов, П.М. Корнилов, И.Г. Попов, Д.Д. Избеков, Н.И. Андреев, Д.С. Макаров, И.А. Аргунов, П.Н. Токарев, А.А. Васильев, Р.И. Местников, Е.С. Таркин, Г.И. Чиряев, И.А. Тарасов, С.Г. Денисов, К.Е. Захаров, П.С. Софронеев, Г.Д. Ефимов, П.П. Михалев, В.В. Пинигин [4, с. 8].

Петр Никитич Токарев — один из участников Великой Отечественной войны. Он родился 23 февраля 1924 г. в деревне Аничкино Добрянского района Пермской области в многодетной семье. Мать работала в колхозе, отец — ветеран Первой мировой войны. С первых дней войны попросился на фронт, но лишь в августе 1942 г., достигнув совершеннолетия, был призван в Красную Армию и направлен Златоуставское пулеметное училище. В апреле 1943 г., окончив училище, был направлен на Западный фронт командиром взвода [6, с. 137].

Во время войны проявил себя храбрым и отважным. С 15 ноября по 5 апреля 1944 г. служил командиром пулеметного взвода резерва 33-й армии Западного фронта. Летом 1944 г. участвовал в прорыве обороны противника на р. Проня. В составе 787-го стрелкового полка 222-й Смоленской стрелковой дивизии с боями прошел до границы Восточной Пруссии. В 50-х гг. П.Н. Токарев находился на различных должностях начальствующего состава в Забайкальском военном округе. В 1962 г. был направлен заместителем Военного комиссара ЯАССР. Параллельно с работой заочно окончил отделение историко-филологического факультета Якутского государственного университета.

С 1963 г. Токарев работал в ЯГУ начальником военной кафедры, затем стал доцентом кафедры истории КПСС. В 1975 г. успешно защитил

кандидатскую диссертацию на степень кандидата исторических наук. Ему принадлежит более 50 научных, научно-популярных и учебно-методических работ.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, Александра Невского, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, 18 медалями, в том числе медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЯАССР [2, с. 68].

Также своей научной деятельностью и отвагой особо отличился Иван Александрович Аргунов, известный политический, государственный деятель, кандидат исторических наук, первый председатель Союза журналистов Якутии, редактор газет «Эдэр коммунист», «Кыым», «Социалистическая Якутия», собкор газеты «Советская Россия» и ТАСС, лауреат республиканской журналистской премии им. Ем. Ярославского (1980). Родился 24 декабря 1922 г. в Игидейском наслеге Татгинского улуса ЯАССР. С 1941 по 1943 гг. работал учителем в Крест-Хальджайской средней школе Томпонского улуса. В 1943 г. был призван в Красную Армию. После окончания войны вернулся на родину и с 1946 по 1954 гг. работал на разных должностях редакционно-издательской сферы. Поступил в Якутский педагогический институт, который окончил в 1950 г.

В 1970 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Партийное руководство начальным этапом культурной революции в Якутской АССР». В 1972 г. Ему присвоили ученое звание «старший научный сотрудник» [3].

И.А. Аргунов — первый исследователь в якутоведении, который изучал динамику социального развития населения Якутии. Ему принадлежит 40 научных работ, в том числе 5 монографий и брошюры. Он использовал историко-социологические методы, также первым из якутских исследователей проанализировал процесс формирования социального образа жизни отдельно взятой этнической общности. В своих исследованиях он особое внимание уделял малоизученным социальным проблемам промышленного освоения, урбанизации, миграции, социального положения сельского населения и т. д. Труды И.А. Аргунова включены в каталоги Библиотеки Конгресса США, Британской библиотеки и библиотеки Кембриджского университета [6, с. 239].

Почти всю войну прошел еще один историк. Петр Спиридонович Софронеев, кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны, родился 12 июля 1919 г. в Теинском наслеге Кобяйского улуса Якутской области. С 1939 по 1942 гг. работал

учителем. В 1942 г. его призвали на службу в армию. Демобилизовался Софронеев только в 1946 г. Вернувшись домой, продолжил учительскую деятельность. В 1950 г. поступил в Якутский пединститут, который окончил в 1954 г., после чего в течение двух лет проработал учителем, и его направили в аспирантуру ЯФ СО АН СССР [5]. С 1959 по 1964 г. работал младшим научным сотрудником, 1964—1970 гг. — ученый секретарь ИЯЛИ, 1970—1975 гг. — младший научный сотрудник, 1975—1978 гг. — старший научный сотрудник этого института. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Якуты в первой половине XVIII века».

П.С. Софронеев был одним из первых специалистов по социально-экономической истории Якутии XVII—XIX и начала XX вв., он является автором более 30 научных работ [6, с. 246].

Историки внесли свой вклад в развитии исторической науки, также были участниками самого великого и кровопролитного события в истории нашей страны.

Список литературы:

1. Айкаров А. Кетуугэ хаалбыты ситэрэн (В восполнение упущенного). Кыым, 1971. — 26 к.
2. Петров Ю.Д. В годы суровых испытаний. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. — 138 с.
3. Светлое эхо: Воспоминание об Иване Александровиче Аргунове. СПб., 1997.
4. Сивцева В.С., Петрова Р.И., Максимова М.Н. Вспомнить всех поименно...: [о ветеранах Великой Отечественной войны Якутского пединститута и Якутского госуниверситета] / Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО «Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова», Науч. б-ка. Якутск : Изд-во ЯГУ, 2008. — 128 с.
5. Сивцева В.С., Петрова Р.И., Петрова С.И. Якутский пединститут в годы войны (1941—1945 гг.) / М-во образования и науки РФ, ФГАОУ ВПО Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова. Якутск : PRODESIGN, 2011. — 195 с.
6. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований Академии наук РС(Я). Библиографический справочник. Якутск, 2005. — 268 с.

ПОИСКИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И КОМИНТЕРН

Гаристова Екатерина Юрьевна

канд. филос. наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения г. Уссурийск, студент 1 курса Дальневосточного федерального университета, обучающаяся по направлению «Педагогическое образование», магистерская программа «Историческое образование»,

РФ, г. Уссурийск

E-mail: ignatova20133@mail.ru

SEARCH FOR «THIRD WAY» IN THE INTERNATIONAL LABOR MOVEMENT AND THE COMMUNIST INTERNATIONAL

Garistova Ekaterina

candidat of Philosophical Sciences, Associate Professor of Far Eastern State Transport University, Ussuriysk, 1st year student of the Far Eastern Federal University "Education", Master Program "Historical Education", Russia, Ussuriysk

АННОТАЦИЯ

В связи с появлением новых фактов и сведений, переоценкой нравственных идеалов в российском обществе, необходим пересмотр некоторых устоявшихся взглядов о Коминтерне, о возможных путях его развития и развития международного рабочего движения, о внутривнутриполитических батаялиях в партийном аппарате и т. д. Особое внимание стоит уделить вопросу о поиске «третьего пути» международного рабочего движения и Коминтерна.

ABSTRACT

In connection with the emergence of new facts and information, the reevaluation of moral ideals in Russian society, some well-known views of the Comintern, on possible ways of its development and the development of the international labor movement, on the internal battles in the party apparatus, etc., should be revised. Particular attention should be paid to the question of finding a "third way" of the international labor movement and the Communist International.

Ключевые слова: Коминтерн; рабочее движение; компартия.

Keywords: Communist International; labor movement; Communist Party.

В период с 1919 по 1943 гг. многие компартии разных стран были объединены международной организацией — коммунистическим Интернационалом — это и идеология мировой революции пролетариата, и история его московского Генерального штаба, и проблемы отдельных компартий. В идеологии позднего СССР историческое наследие Коминтерна воспринималось двояко: с одной стороны, оно героизировалось как реальное воплощение пролетарского интернационализма, а с другой — задвигалось подальше в угол как напоминание о несовершенности установки коммунистов на победу во всемирном масштабе. В полемике о роли Сталина в Коминтерне российские ученые расходились во взглядах с западными сторонниками теории тоталитаризма и социально-историческими «ревизионистами» [3, с. 361].

Зарубежные исследователи отмечают, что на сегодняшний день практически не рассматривается проблема восприятия решений Коминтерна в национальных секциях, соотношения жесткой вертикальной иерархии и социальной солидарности в коммунистическом движении.

В начале 20-х гг. отчетливо прослеживалось идейно-политическое размежевание двух течений рабочего движения: сотрудничать не получалось, а противоборство не выгодно, поэтому совершались попытки найти так называемый «третий путь».

Показательно, что Фриц Адлер (позднее секретарь Рабочего Социалистического Интернационала) был избран председателем ВЦИК РСФСР (в заслугу за покушение на премьер-министра Австрии). Но после отказа Адлера вступить в компартию, его исключили из Председателей. Адлер писал Троцкому в начале 1920 г.: «Вы прислали в Австрию деньги для переворота. К сожалению, Вы не могли прислать вместе с деньгами еще и немного политического разума. Так возникла цепь политических ошибок, которая отличает деятельность Компартии Австрии...», а «...на экономическом базисе сначала русских, а затем венгерских денег неизбежно образуется новая партия и процесс дробления нашего рабочего движения явится необходимым результатом Вашего вмешательства» [1, с. 37—38].

То, что молодые компартии получали финансовую помощь из Москвы, не было секретом в европейских странах [2]. Скандалы из-за «русских денег» постоянно потрясали тот или иной руководящий

центр. Но эти факты скрывались от граждан Советской России, терпевших страшные лишения гражданской войны. Кампания широкой пролетарской солидарности, совпавшая по времени с окончанием гражданской войны в России и пересмотром ее внутренней политики, привела к пересмотру большевистской концепции «мировой революции». Несмотря на резкую критику Лениным «детской болезни «левизны» в коммунизме», последняя все больше разрасталась, грозя задушить весь Коминтерн, III Конгресс которого, проходивший в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года, стал ареной острых политических столкновений. «Левые» настаивали на приближении новой революции, которая сама по себе бросит рабочий класс к коммунистам и смочит с исторической арены «социал-предателей». Ленин, Троцкий и другие лидеры Коминтерна признали, что развитие событий пошло не по-большевистски.

«Война не завершилась непосредственно пролетарской революцией», говорилось в резолюции конгресса о мировом положении. В ходе дебатов Ленину пришлось поставить на карту все свое политическое влияние, чтобы удержать Коминтерн от дальнейшего сползания влево [6]. Дрейф был остановлен, но на большее не хватило ни политической смелости, ни теоретической дальновидности. Решения III Конгресса давали коммунистам новую стратегическую установку — завоевать массовое влияние: «С первого дня своего образования Коминтерн поставил своей задачей ясно и недвусмысленно не создание небольших коммунистических сил, которые будут стремиться установить свое влияние на рабочие массы..., но непосредственное участие в борьбе рабочих масс, коммунистическое руководство этой борьбой и создание в процессе борьбы крупных революционных, коммунистических массовых партий» [4, с. 183].

Ленин, оценивая итоги конгресса в письме к немецким коммунистам написал: «Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов над II и II 1/2 Интернационалами (а это значит, в условиях Западной Европы и Америки XX века, после первой империалистической войны, — победе над буржуазией), если сами коммунисты не помешают ей» [5, с. 97].

Для многих европейских социалистов вопрос о поисках «третьего пути» оказывался уже не просто выбором между мировыми капитализмом и коммунизмом, а отрицанием политических методов двух Интернационалов. Идеология Международного рабочего объединения социалистических партий (МРОСП) и его цель — воссоединение рабочего движения — еще больше обостряло конкурентную борьбу в нем самом. Коминтерн не увидел специфики МРОСП, его влияния

на рабочих в ряде стран Европы, а разделение на коммунистов и буржуазии не дало возможности сотрудничать двум организациям с близкими идейно-политическими платформами. Резолюция III конгресса Коминтерна явно грешила против истины, подчеркивая, что МРОСП «качается, как маятник, между лозунгами демократии и пролетарской диктатуры на бумаге» [4, с. 183]. В тоже время сами лидеры МРОСП отрицали возможность объединения его со II Интернационалом.

Таким образом, поиски «третьего пути» в международном рабочем движении не увенчались успехом, не было выработано единого «пути», единого направления деятельности. Раскол между коммунистами и социал-демократами преодолеть так и не удалось. Но попытки к единству действий предпринимались еще не раз.

Список литературы:

1. Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые десять лет. М., Издат. центр «Россия Молодая», 1993. — 146 с.
2. Ватлин А.Ю. Миллионы для мировой революции. Финансовые махинации Коминтерна в Европе // Российская газета, 29 октября 1992.
3. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г.А. Рогова. М., «Просвещение», 196. — 442 с.
4. Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., Изд-во Партийной литературы, 1933. — 482 с.
5. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 44.
6. Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. Коммунисты и массы: сборник статей. М., Политиздат, 1975. — 632 с.

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЕМСТВО И МИРОВОЙ СУД В 70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Мельникова Лариса Александровна

*канд. пед. наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела*

*Уральского Юридического института МВД России,
РФ, г. Екатеринбург*

E-mail: larismelnikova@yandex.ru

YEKATERINBURG COUNTRY COUNCIL AND WORLD COURT IN THE 70'S OF XIX CENTURY

Larisa Melnikova

*candidate of Pedagogical Sciences, senior Research Scientist of Research
Department, Ural Juridical Institute of RF Ministry of Internal Affairs,
Russia, Yekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

В статье автор исследует деятельность Екатеринбургского земства в формировании системы мирового суда в 70-е годы XIX века. Несмотря на финансовые трудности, Екатеринбургское земство регулярно выделяло денежные средства на функционирование института мирового суда. Деятельность Екатеринбургского земства положила начало формированию пенитенциарной системы в Екатеринбургском уезде.

ABSTRACT

In the article, the author investigates the activity of Yekaterinburg country council in the formation of world court system in the 70-s of the XIX century. Despite financial difficulties, Yekaterinburg country council provides money to the institution functioning of the world court regularly. Performance of Yekaterinburg country court activities gave rise to the formation of the penitentiary system in Yekaterinburg district.

Ключевые слова: Екатеринбургское земство; мировой суд; пенитенциарная система; гуманистический подход.

Keywords: Yekaterinburg country council; world court; penitentiary system; humanistic approach.

Специфика созданной в ходе Судебной реформы 1864 года системы мировой юстиции в России заключалась в том, что в регионах, где были

созданы земские учреждения, обязанность содержания мировых судов возлагалась на земства. Одним из земств, осуществляющим финансирование мирового суда, было Екатеринбургское уездное земство. В обязанности Екатеринбургского уездного земства входило содержание съезда мировых судей, мирового судьи и его участка, а также лиц, арестованных по приговорам мировых судей. Следует отметить, что реальное применение Судебной реформы 1864 года в Екатеринбургском уезде произошло лишь в 1874 году, что совпало с периодом формирования собственно и самого Екатеринбургского земства. Это создавало различного рода проблемы в создании института мирового суда, в том числе и финансовые. Тем не менее, в 70-е годы XIX века Екатеринбургское земство стремилось выделять значительные денежные суммы на жалование мировым судьям, содержание канцелярий и лиц, арестованных по приговорам мировых судей.

В период с октября 1874 года по сентябрь 1875 года на жалование мировым судьям было выделено 11 799 руб. 97 коп., на наем квартир и содержание канцелярий — 16 571 р. 58 к., на содержание канцелярий мирового съезда — 3300 руб. [1, с. 223].

Отдельную статью расходов составило выделение денежных средств на перевозку мировых судей и отправку нарочных в отдаленные районы уезда. На перевозку мировых судей было выделено — 366 р. 59 коп. Выделение денежных средств на посылку нарочных мировыми судьями было вызвано необходимостью принятия быстрого судебного решения в отдаленных районах. На заседании земского собрания гласный Кокшаров, будучи мировым судьей, отметил необходимость отправки нарочных в местности с преимущественно башкирским населением по делам о конокрадстве, чтобы дать делу быстрое движение, пока следы преступления не исчезли окончательно [1, с. 15—16].

В период с сентября 1875 года по сентябрь 1876 года на жалование мировым судьям было выделено — 13 183 р. 25 к., на содержание канцелярий — 18000 руб., перевозчиков — 400 руб., судебных приставов — 3 541 р. 60 к. [2, с. 327].

В период с сентября 1876 года по сентябрь 1877 года на содержание мировых судей выделено 10 741 р. 48 к., канцелярий мировых судей — 14 999 руб. 24 к., судебных приставов — 2700 р., перевозчиков — 120 р. 96 к. [3, с. 471—473].

В период с сентября 1878 года по сентябрь 1879 на жалование мировым судьям выделено по 1500 р. каждому, на содержание перевозчиков — 123 р. 57 к., судебных приставов по 600 р. каждому,

канцелярий — 13 940 р. 20 к., канцелярии съезда мировых судей — 3368 р. 77 к. [4, с. 399].

Анализ выделенных финансовых средств со стороны земства показал, что при незначительных уменьшениях денежных сумм поддержка всех статей расходов на содержание мирового суда оставалась стабильной. Мы полагаем, что уменьшение расходов было связано с решением более значимых задач, стоящих перед земством. Одной из таких задач стала деятельность земства по формированию пенитенциарной системы в Екатеринбургском уезде. Следует отметить, что Екатеринбургское земство в решении данной задачи руководствовалось принципами гуманизма. Гуманистический подход продемонстрировали гласные Екатеринбургского уездного собрания в решении вопроса о финансировании приюта для несовершеннолетних правонарушителей в городе Казани. Впервые проблема финансовой поддержки приюта для несовершеннолетних правонарушителей оказалась в повестке дня земского собрания в 1876 году.

Совет Казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов обратился к Екатеринбургскому земству с ходатайством о выделении средств на содержание малолетних правонарушителей. Гласный Настич внес предложение о создании приюта в Екатеринбургском уезде. Гласный Ковалевский заявил, что на создание приюта потребуется гораздо больше финансовых средств. Ему возразил гласный Попов от горного ведомства, который заявил, что устройство приютов для малолетних преступников является одной из ступеней цивилизации. В связи с этим этот вопрос нельзя рассматривать только с экономической точки зрения, с точки зрения пользы уезду, так как это нравственный вопрос. Развернулась дискуссия, в ходе которой выяснялось, что малолетних правонарушителей в Екатеринбургском уезде судят в окружном суде за мелкие провинности и приговаривают к тюремному заключению. Гласный Штейнфельд пояснил, что тюрьма развращает молодые натуры, а колония для малолетних не является тюрьмой, так как в колонии в отношении малолетних правонарушителей используются воспитательные меры воздействия. Кроме того в колонии обучают какому-либо мастерству [2, с. 34—38].

Вопрос о создании приюта для несовершеннолетних правонарушителей в Екатеринбургском уезде не был решен земством в 70-е годы XIX века. Тем не менее, в этот период регулярно выделялись деньги на содержание приюта в городе Казани.

В обязанности Екатеринбургского земства входило не только содержание мировых судей и сотрудников канцелярии, но и финан-

сирование содержания лиц, арестованных по приговорам мировых судей. В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 4 июля 1866 года «О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей» и Сенатским указ от 4 ноября 1866 года «Об устройстве помещений для лиц, подвергаемых арестам по приговорам мировых судей» к земству предъявлялись высокие требования по организации мест для содержания арестованных.

В 1874 году на заседании земского собрания было принято решение об устройстве помещений для арестованных в здании, принадлежавшем горному ведомству и городской управе в городе Екатеринбурге, в доме мещанина Сырейщикова в Кыштымском заводе и устройстве помещения в Билимбаевском заводе [5, с. 116].

С этой целью были выделены следующие финансовые средства: на устройство помещения в Екатеринбурге — 575 руб. 91 к., в Кыштымском заводе — 400 руб., в Билимбаевском заводе — 300 руб. [5, с. 119].

С сентября 1875 года по сентябрь 1876 года расходы на содержание арестованных в Билимбаевском заводе составили 200 руб., в Кыштымском заводе — 191 руб. 45 коп. Вместе с тем уездное земской собрание постановило выделить для постройки служебных помещений для арестованных 7668 руб. 75 коп. [2, с. 133]. В Екатеринбурге помещение для арестованных оплачивало горное ведомство. Однако Екатеринбургское земство принимает решение о выделении 4980 руб. для постройки флигеля для содержания арестованных при земском доме [2, с. 323].

В 1878 году на устройство и наем домов для арестованных в Билимбаевском заводе был выделено 250 руб., в Кыштымском заводе — 60 руб. Отдельную статью расходов составили суммы, выделенные на отопление, освещение и благоустройство помещений. С этой целью для помещения в Екатеринбурге было выделено 334 р. 98 к., в Билимбаевском и Кыштымском заводе — 60 руб. [4, с. 473].

На основании Инструкции об устройстве помещений для лиц, подвергаемых аресту по приговорам Мировых судей, помещенной в сборник узаконений 1866 г. № 97, Екатеринбургским земством была разработана инструкция для лиц, осуществляющих надзор за арестованными по приговорам мирового суда.

Основные положения данной инструкции свидетельствуют о стремлении Екатеринбургского земства создать приемлемые условия для арестованных.

Для каждого арестованного отводилась отдельная кровать. Лица из высших сословий, женщины и несовершеннолетние помещались отдельно. Заключенные имели право носить собственную одежду и иметь запасное белье в ограниченном количестве. Для арестованных выделялись кормовые и вода для питья и умывания. Не запрещалось выполнять работу по своему усмотрению. Заключенные по согласию могли привлекаться на общественные работы, что позволяло значительно сократить срок пребывания под арестом. Два раза в неделю арестованных могли посетить родственники. А сами заключенные могли быть отпущены без разрешения надзирателя в случаях болезни или смерти ближайших родственников сроком на три дня [5, с. 126—130].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Процесс формирования системы мировой юстиции и zemства в Екатеринбургском уезде происходил одновременно, что создавало различного рода проблемы, в том числе и финансовые.

2. Несмотря на финансовые трудности, Екатеринбургское земство регулярно выделяло денежные средства на функционирование института мирового суда.

3. Деятельность Екатеринбургского земства положила начало формированию пенитенциарной системы в Екатеринбургском уезде.

4. В создании пенитенциарной системы Екатеринбургское земство не ограничилось лишь выделением денежных средств, а продемонстрировало гуманистический подход к содержанию малолетних правонарушителей и лиц, арестованных по приговорам мирового суда.

Список литературы:

1. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания VI очередной сессии (1875 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1876. — 234 с.
2. Журналы Екатеринбургского земского собрания VII очередной сессии 1876 года и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1877. — 420 с.
3. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1879. — 577 с.
4. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X очередной сессии 1879 года. Екатеринбург, 1880. — 525 с.
5. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания V очередной сессии 1874 года и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1875. — 434 с.

**К ИСТОРИИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА:
КРЫМСКИЙ ГОРНЫЙ КЛУБ**

Руденко Елена Николаевна

*аспирант, Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского,
РФ, Республика Крым, г. Симферополь
E-mail: jdilr@mail.ru*

**THE HISTORY OF POPULARITY OF CRIMEA'S
MIEVEAL MEMORIALS DURING SECOND HALF
OF THE 19TH — 20TH CENTURY:
CRIMEAN MOUNTAIN CLUB**

Rudenko Elena

*postgraduate, V.I. Vernadsky Taurian academy of CFU,
Russia, Republic of Crimea, Simferopol*

АННОТАЦИЯ

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г., полуостров стал одним из привлекательнейших туристических регионов, в популяризации которого важную роль сыграл Крымский горный клуб.

Целью исследования данной работы стала деятельность Крымского горного клуба, направленная на изучение и сохранение уникальных средневековых памятников. Клуб занял одно из ведущих мест в организации краеведческих экскурсий по средневековым древностям «Южной Тавриды» во второй половине XIX века. Несомненно, его деятельность была своеобразным катализатором в становлении и развитии отечественного туризма.

ABSTRACT

Since 1783, when Crimea joined to the Russian Empire, it became one of the most attractive tourist regions, which became popular owing to Crimean Mountain club. The activity of Crimean Mountain club became the purpose of this research, aimed at the study and safekeeping of unique memorials of Middle Ages.

Crimean Mountain club was one of the leaders in organizing Local History tours across medieval sights of “South Tavrída” in the second half of the 19th century.

It was its activity, that triggered the uprising and development of national tourism.

Ключевые слова: памятники Средневековья; Крымский горный клуб; популяризация; Крым.

Keywords: medieval memorials; Crimean Mountain; popular; Crimea.

С присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. начинается важный период становления и развития массового туризма на полуострове. Среди уникального историко-культурного наследия региона особым вниманием пользовались памятники Средневековья, популяризация и охрана которых неразрывно была связана с деятельностью Крымско-Кавказского горного клуба. Инициаторами его создания 25 января 1890 г. в Одессе стали видные представители интеллигенции. Ялтинские врачи Ф.Д. Вебер, В.Н. Дмитриев, председатель Таврической ученой архивной комиссии А.Х. Стевен, геологи Ю.А. Листов, Р.А. Прендель, Г.Д. Романовский предложили организовать специальный туристический клуб по примеру западноевропейских альпийских клубов [3, с. 150]. С самого начала своего существования Клуб создавал свои отделения в ряде городов России. В первые два года были оформлены Одесское, Севастопольское и Ялтинское отделения, несколько позже Екатеринославское, Гагринское, Бессарабское в Кишиневе, Бакинское и последним — Рижское, что свидетельствует об известности клуба в России [1, с. 9].

Все экскурсии, проводимые Клубом, можно разделить на три категории: 1) научные, связанные с исследованиями членов клуба; 2) образовательные для учеников; 3) туристические. За 25 лет деятельности Клуба (1891—1914) было проведено 156 экскурсий (20 — научных, 43 — образовательных и 93 — туристических) [16, с. 15]. В первом и втором уставах Крымского горного клуба содержался отдельный пункт, определяющий направление его туристической деятельности, а именно: «охрана редких горных видов растений и животных, исторических памятников и всяких достопримечательностей» [17, с. III; 77, с. 5].

Изучением средневековых памятников Крыма активно занимались Севастопольское и Ялтинское отделения клуба. Одним из главных их достижений была успешная организация экскурсий по Севастополю и его окрестностям. Экскурсанты обогащались знаниями об археологическом и культурном прошлом полуострова. Официальное открытие Севастопольского отделения состоялось 16 апреля 1891 года, во время пребывания в Севастополе первой

экскурсии, организованной Крымским горным клубом. Председателем был избран А.И. Млинарич [2, с. 73].

Большой интерес у организаторов экскурсий Крымского горного клуба вызывали три исторических региона: Севастополь и его окрестности, Южный берег Крыма с центром в Ялте, Бахчисарай с его достопримечательностями в его окрестностях. Восточное и Юго-Восточное побережье привлекали меньшее внимание туристов.

Свою деятельность Клуб начал с организации экскурсионной поездки из Одессы в Крым девятнадцати его членов в апреле 1891 года [9]. Внимание экскурсантов привлекли средневековые памятники при осмотре археологических раскопок в Херсонесе, высеченный в известняках Инкерманский монастырь, а так же дворец в Алушке, Айтодорский маяк, Никитский ботанический сад и многие другие достопримечательности Крыма.

В первый сезон члены Крымского горного клуба провели восемь экскурсий, из которых большой популярностью пользовались поездки на юго-западную часть Крыма, а именно в Бахчисарай с посещением монастыря Качи-Кален, пещерных городов Тепе-Кермен, Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Успенского монастыря и Байдарской долины; в горы с осмотром Яйлы, монастыря святой Анастасии, Качи-Кален, Чуфут-Кале и Успенского монастыря; экипажная экскурсия через Севастополь в крепость Черкес-Кермен и возвращение пешком в Ялту через Каралезы, Мангуп-Кале, Коккоз и Яйлу [13, с. 19].

Значительная часть экскурсий, организовываемых членами Крымского, приходилась Южный и Юго-Западный Крым. Особый интерес у экскурсантов вызывали средневековые памятники. Маршруты экскурсий постоянно совершенствовались.

Безусловно, популярностью у экскурсантов пользовались средневековые памятники в окрестностях Севастополя. В пос. Чоргун осматривали остатки турецкого укрепления. В Херсонесе заведующий раскопками Карл Каземирович Косцюшко-Валюжинич проводил экскурсию по руинам византийской крепости с посещением Музея императорского Археологического общества. Экскурсанты знакомились с планами древних церквей и эпиграфическими достопримечательностями. Обязательным был осмотр храма Св. Владимира. Далее экскурсия обычно направлялась в Инкерман, посещали Инкерманский монастырь, возрожденный после окончания Крымской (Восточной) войны; к руинам средневековой крепости. Как правило, этим заканчивался первый день путешествия, и экскурсанты возвращались в Севастополь. Группу популярных достопримечательностей у туристов составляли средневековые памятники — Херсонес, Инкер-

ман и монастырь Св. Георгия на мысе Фиолент [5; 18]. Проводящиеся раскопки Херсонесского городища и музей «Склад местных древностей», раскрывали перед туристами и экскурсантами страницы истории города. «Склад» представлял небольшое здание из пяти комнат, где хранилась коллекция находок, обнаруженных во время раскопок. Проводящиеся раскопки Херсонесского городища и музей «Склад местных древностей», раскрывали перед туристами и экскурсантами страницы истории города. «Склад» представлял небольшое здание из пяти комнат, где хранилась коллекция находок, обнаруженных во время раскопок. Значительное количество экспонатов относилось к периоду средневековья [4, с. 218—219].

В 1897 году Севастопольское отделение приостановило свою деятельность [3, с. 151]. Официальные причины этого не указывались. Однако по отчетам видим сокращение количества организуемых экскурсий, по-видимому, по причине снижения интереса к ним членов отделения. Остается необъяснимым факт, указанный в отчете Крымского горного клуба за 1899 год, где говорится о Севастопольском отделении как о действующем [7].

По инициативе председателя Крымского горного клуба С.И. Иловайского в 1902 году Севастопольское отделение возобновило свою деятельность. 9 апреля на собрании членов клуба председателем отделения был избран участник Севастопольской обороны контр-адмирал Н.А. Зеленой. Приоритетом задачей отделения оставалась организация экскурсий. Предпринимается попытка организовать морские экскурсии в Херсонес и Инкерман с остановкой у Братского кладбища, но из-за нехватки средств их не удалось осуществить [15].

Севастопольское отделение активно занялось организацией экскурсий с посещением памятников исключительно в Севастополе и его окрестностях, что стало основным направлением его деятельность. В 1903 году на страницах «Записок Крымского горного клуба» было опубликовано рекламное объявление о том, что в течение лета будут организовываться экскурсии еженедельно в Балаклаву и Георгиевский монастырь, морские прогулки по бухтам с остановками у Инкермана и Херсонеса, где обязательно предусматривался осмотр средневековых памятников. Расписание экскурсий предполагалось публиковать в местной газете «Крымский вестник» [14, с. 53]. В летний сезон 1903 года было проведено тридцать девять экскурсий с участием не менее семисот человек [14].

В последующем экскурсионная деятельность Севастопольского отделения ограничивается единичными поездками. О постепенном упадке свидетельствуют немногочисленные упоминания в записках

клуба. Так, 22 апреля 1907 года на заседании правления Крымско-Кавказского горного клуба было заслушано письмо члена правления Куклина о деятельности Севастопольского отделения [10]. Оно не было опубликовано, а так же не обнаружено нами в архивных фондах.

В юбилейном отчете, посвященном двадцатипятилетию деятельности Крымско-Кавказского горного клуба, указано, что с 1908 года отделения не существовало, но «не желая прерывать духовную связь с Севастополем, правление клуба со второго мая 1913 года уполномочивает свободного художника М.Н. Протопопова заведовать экскурсиями клуба» [16, с. 40].

Особый след в развитии экскурсионного дела и изучении памятников Средневековья оставило Ялтинское отделение Крымского горного клуба. Именно оно впервые в России занялось широкой экскурсионной работой, организацией многочисленных туристских поездок в Крым, экскурсий по наиболее примечательным местам региона. Оно пронесло свою деятельность на протяжении всего существования Крымского горного клуба.

Ялтинское отделение Крымского горного клуба начало свою деятельность 23 апреля 1891 года [8, с. 24]. К началу 1892 года его численность достигала до 44 членов [3, с. 151]. Первым его председателем был назначен врач-климатолог В.Н. Дмитриев (1837—1904), занимавший эту должность до последних дней своей жизни.

Для популяризации своей экскурсионной деятельности Ялтинское отделение прибегало к различным информативным методам. С 1895 года в «Записках» начали опубликовывать расписание экскурсий [11]. С 1897 года маршруты и расписания экскурсий отделение стало печатать в виде объявлений, а также в виде брошюр, которые рассылались членам Клуба и отделениям различных учреждений и для продажи.

На основе анализа «Записок Крымского горного клуба» и экскурсионных журналов мы имеем представление об организации и проведении экскурсий с посещением памятников средневековья Юго-Западного Крыма.

Активность членов-краеведов Ялтинского отделения Крымского горного клуба по организации экскурсий к средневековым памятникам Юго-Западного Крыма имела особую роль, поскольку большая часть всех организованных экскурсий клубом принадлежала им. Сочетание уникального историзма с живописной природой делали крымские средневековые памятники одними из интереснейших и популярных туристических маршрутов. Корреспондент «Одесского листка» Л.Е. Оболенский в 1894 году писал: «Нельзя не сказать спасибо

Ялтинскому отделению Горного клуба, за его попытку правильной организации экскурсий» [6, с. 50]

Отдельного внимания заслуживает деятельность Крымского горного клуба, направленная на сохранение историко-культурного наследия полуострова, среди которого видное место отводилось средневековым памятникам. В 1899 году клуб открыл в Одессе музей, который был представлен шестью отделами.

Крымский горный клуб представлял собой туристическую организацию, возглавляемую известными краеведами, которые стремились привить общественности научные знания о Крыме, показать уникальность памятников средневековья. Приоритетной задачей туристической организации являлось издание трудов по исследованию памятников полуострова, чтение научных лекций и организация ученых экскурсий. Научная работа Клуба включала в себя активное взаимодействие с другими подобными организациями, выступление с научными докладами, рефератами и лекциями, публикацию отдельных изданий Клуба в виде брошюр, оттисков, путеводителей, статей, создание музеев и библиотек. Однако удовлетворить быстро растущий спрос на экскурсии к памятникам средневековья Крыма не смогли в полной мере из-за ограниченности своих возможностей. Крымский горный клуб не субсидировался государством и держался, фактически, на энтузиазме краеведов. Однако, несмотря на финансовые трудности, Клуб можно по праву считать прообразом первой современной туристической организацией, мощным катализатором отечественного туризма.

Список литературы:

1. Берг А.А. Крымско-Кавказский горный клуб — первый организатор плановых ученических экскурсий в России // Развитие идеи А.С. Макаренко в туристическо-краеведческой деятельности современной школы: к 100-летию со дня рождения: сб. мат-лов Всесоюз. науч.-практ. конф., 25—27 апр. 1988 г. М., — 1988. — Ч. 2. — С. 9—11.
2. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма: последняя треть XVIII — начало XX века / А.А. Непомнящий; Ин-т украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины. К., 1999. — 212 с. — (Серия: «Научно-справочные издания по истории Украины»; вып. 46).
3. Непомнящий А.А. Кримський гірський клуб в Криму і розвиток краєзнавчого туризму (к. XIX — поч. XX ст.) / А.А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. К., 1998. — Вип. 1: мат-ли III Всеукр. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура»: у 2 ч., ч. 2. — С. 150—156.

4. Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века): биобиблиографическое исследование / А.А. Непомнящий; Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2000. — 360 с.
5. Об экскурсии совершенной 8 апреля 1894 г. членами Крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. — 1895. — № 1. — С. 13—17.
6. Оболенский Л.Е. По Крыму / Е.Л. Оболенский // Одесский листок. 1894. 26 мая.
7. Отчет Крымского горного клуба за 1899 год // Записки Крымского горного клуба. — Одесса, 1900. — № 1/2. — С. 11.
8. Отчет о состоянии и деятельности Ялтинского отделения Крымского горного клуба за 1891 г. // Записки Крымского горного клуба. — 1892. — № 2. — С. 24—30.
9. Первая экскурсия Крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. — 1891. — № 1. — С. 17—18.
10. Протоколы заседания правления Крымско-Кавказского горного клуба // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. — 1909. — № 4. — С. 120—126.
11. Расписание экскурсий, устраиваемых Ялтинским отделением Крымского горного клуба в мае и июне месяцах 1895 года // Записки Крымского горного клуба. — 1895. — № 5. — С. 6—10.
12. Рекламное объявление экскурсий Севастопольского отделения Крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. — 1903. — № 5/6. — С. 53—54.
13. Савчук В.С. Историко-научный анализ деятельности естественно-научных обществ Юга Украины, Крыма и Бессарабии : вторая половина XIX — начало XX в.: автореф. дис. д-ра ист. наук / Савчук Варфоломей Степанович; Днепропетровский гос. ун-т. Днепропетровск, 1996. — 50 с.
14. Севастополь в кармане. Необходимая книжка каждому туристу. Практический путеводитель. Одесса, 1904. — 66 с.
15. Севастопольское отделение // Записки Крымского горного клуба. — Одесса, 1903. — № 3/4. — С. 12.
16. Смирнов В.И. Отчет о деятельности Крымско-Кавказского горного клуба за 25 лет своего существования (1890—1914 гг.) / В.И. Смирнов // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба, 1890—1914 / под ред. М.А. Познанского. Одесса, 1915. — С. 15—19.
17. Устав Крымского горного клуба // Записки Крымского горного клуба. — 1891. — № 1. — С. III—X.
18. Экскурсия воспитанниц Ананьевской Марининской женской гимназии в Крым под руководством преподавателя гимназии, члена Крымского горного клуба И.К. Веревого в июне 1901 года // Записки Крымского горного клуба. — 1902. — № 4/5. — С. 15—18.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XLVII международной научно-практической конференции

№ 3 (44)
Март 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 31.03.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3